

exLegis

ПРАВОВЫЕ ИССЛЕДОВАНИЯ
электронный научный журнал

2026 №2

Содержание

Учредитель

Федеральное государственное бюджетное
образовательное учреждение
высшего образования
«Иркутский государственный университет»

Издатель

Юридический институт
федерального государственного
бюджетного образовательного учреждения
высшего образования
«Иркутский государственный университет»

Главный редактор

Е. В. Шишмарева, канд. юрид. наук, доц. (г. Иркутск)

Заместитель главного редактора

О. В. Горбач, канд. экон. наук (г. Иркутск)

Ответственный секретарь

О. В. Радченко, канд. юрид. наук, доц. (г. Иркутск)

Редакционный совет:

О. П. Личичан, канд. юрид. наук, доц. (г. Иркутск)
(председатель)

Н. В. Безик, канд. юрид. наук, доц. (г. Иркутск)
Б. Д. Дамдинов, канд. юрид. наук, доц. (г. Иркутск)
О. В. Костюнина, канд. юрид. наук, доц. (г. Иркутск)
Р. В. Кравцов, канд. юрид. наук, доц. (г. Иркутск)
Е. В. Кузнецов, канд. юрид. наук, доц. (г. Иркутск)
Л. А. Петрякова, преподаватель (г. Иркутск)
М. Г. Тирских, канд. юрид. наук, доц. (г. Иркутск)

Адрес учредителя:

664003, Россия, г. Иркутск, ул. К. Маркса, 1
ФГБОУ ВО «ИГУ»
тел.: +7(3952) 52-19-00; факс: +7(3952) 24-22-38
e-mail: rector@isu.ru; website: isu.ru

Адрес редакции:

664082, Россия, г. Иркутск, ул. Улан-Баторская, 10
Юридический институт ИГУ
Журнал «ExLegis: правовые исследования»
тел.: +7(3952) 52-11-90; факс: +7(3952) 52-11-84
e-mail: exlegis@law.isu.ru
website: exlegis.ru

*Любые нарушения авторских прав
преследуются по закону.*

*Перепечатка материалов журнала допускается
только по согласованию с редакцией.*

Рукописи, присланные в журнал, не возвращаются

Свидетельство о регистрации СМИ:

Эл № ФС77-65676 от 13 мая 2016 г.

Выдано Федеральной службой по надзору
в сфере связи, информационных технологий
и массовых коммуникаций (Роскомнадзор)

Выходит 4 раза в год

Издается с 2016 года

© ФГБОУ ВО «ИГУ», 2026

Карцева А. О.

Разграничение фиктивного и преднамеренного банкротства 2

Кригер Н. А.

К вопросу о предмете мошенничества при получении выплат:
современное доктринальное осмысление и проблемы правоприменения 7

Маланьин Г. А.

Государственный контроль и надзор за нормативными правовыми актами
органов исполнительной власти субъекта Российской Федерации 12

Мещеряков А. Л.

Проблема определения надлежащего ответчика в делах о защите
репутационных благ в гражданском и арбитражном процессах 16

Очиров А. Н.

Актуальные проблемы квалификации незаконного оборота оружия 22

Папаева А. Б.

Криминалистическая характеристика расследования преступлений
по ст. 126 УК РФ 27

Радаева Е. Н.

Проблемы квалификации фальсификации доказательств и результатов
оперативно-разыскной деятельности 32

Сиразиева А. А.

Актуальные вопросы института несостоятельности (банкротства)
физического лица (гражданина) в Российской Федерации 36

Сонголова О. И.

Административная ответственность арбитражных управляющих
как средство защиты прав кредиторов 39

Суханова М. С.

Брачный договор как инструмент правового регулирования
имущественных отношений супругов 44

Разграничение фиктивного и преднамеренного банкротства

© Карцева А. О., 2026

А. О. Карцева

Магистрант 2-го года обучения, Юридический институт, Иркутский государственный университет, e-mail: arina_merenkova@mail.ru

Научный руководитель:

И. Б. Чагин, кандидат юридических наук, доцент кафедры административного и финансового права, Юридический институт, Иркутский государственный университет, e-mail: vanyachagin@yandex.ru

Аннотация. Проводится комплексный теоретико-прикладной анализ разграничения составов фиктивного и преднамеренного банкротства. На основе обобщения научных позиций и судебной практики анализируются ключевые признаки банкротства, даются определения фиктивного и преднамеренного банкротства, приводятся критерии для разграничения рассматриваемых составов.

Ключевые слова: несостоятельность (банкротство), фиктивное банкротство, преднамеренное банкротство, разграничение преднамеренного и фиктивного банкротства.

Актуальность темы обусловлена тем, что процедуры банкротства (несостоятельности) планомерно проникают в повседневную жизнь, трансформируясь из узкоспециального инструмента в обыденную норму. Институт несостоятельности (банкротства) является одним из ключевых механизмов рыночной экономики, направленным на оздоровление экономического оборота и защиту прав кредиторов. Для экономически прогрессивных стран институт банкротства стал фундаментальным компонентом, без которого невозможно эффективное управление долговыми рисками и развитие капитала. Однако на практике данный механизм все чаще используется в противоправных целях. Кроме того, актуальность исследования обусловлена необходимостью выработки единых теоретических и практических критериев разграничения фиктивного и преднамеренного банкротства.

Настоящая статья призвана изучить институт банкротства, разграничить такие составы, как преднамеренное, фиктивное банкротство.

В ст. 2 Федерального закона от 26 октября 2002 г. № 127-ФЗ «О несостоятельности (банкротстве)» дается легальное определение понятия «несостоятельность (банкротство)», согласно которому банкротство – это признанная арбитражным судом или наступившая в результате завершения процедуры внесудебного банкротства гражданина неспособность должника в полном объеме удовлетворить требования кредиторов по денежным обязательствам, о выплате выходных пособий и (или) об оплате труда лиц, работающих или работавших по трудовому договору, и (или) исполнить обязанность по уплате обязательных платежей [1].

В условиях актуальной правоприменительной практики механизмы банкротства все чаще используются недобросовестными должниками

для уклонения от исполнения обязательств. Злоупотребления в предбанкротный период и в ходе самих конкурсных процедур приобрели системный характер. Наибольшую угрозу стабильности гражданского оборота представляют преднамеренные и фиктивные банкротства: их скрытый характер и трудности с квалификацией деяний позволяют субъектам эффективно вуалировать вывод активов, что требует выработки новых подходов к доказыванию подобных правонарушений.

Как отмечает В. А. Слепышев, «исторически за нарушение законодательства о несостоятельности (банкротстве) наступала только уголовно-правовая ответственность. Условием ее наступления являлось причинение потерпевшему крупного ущерба (500 МРОТ, или больше 50 тыс. руб.). Лица, которые своими действиями причинили меньший ущерб, никакой ответственности не несли. Установив ответственность за такие правонарушения, законодатель обеспечил неотвратимость привлечения лиц, причинивших меньший ущерб, к административной ответственности» [9, с. 87].

Уголовный кодекс Российской Федерации (далее – УК РФ) предусматривает ответственность за две основные формы криминального банкротства: преднамеренное (ст. 196) и фиктивное (ст. 197). Данные составы имеют принципиальные различия в объективной стороне, субъективной стороне и механизме совершения, что требует четкого доктринального и правоприменительного разграничения.

Согласно ч. 1 ст. 196 УК РФ преднамеренное банкротство представляет собой совершение действий (бездействия), заведомо влекущих неспособность юридического лица или гражданина, в том числе индивидуального предпринимателя, в полном объеме удовлетворить требова-

ния кредиторов по денежным обязательствам и (или) исполнить обязанность по уплате обязательных платежей, если эти действия (бездействие) причинили крупный ущерб [2].

Ключевым признаком данного состава является причинно-следственная связь между действиями (бездействием) субъекта и наступившей несостоятельностью. Иными словами, должник либо уже находился в кризисном состоянии, но путем незаконных манипуляций (вывод активов, заключение убыточных сделок и т. д.) искусственно ускорил свое банкротство, либо сам создал ситуацию неплатежеспособности.

Статья 197 УК РФ дает легальное определение понятия «фиктивное банкротство». Это заведомо ложное публичное объявление руководителем или учредителем (участником) юридического лица о несостоятельности данного юридического лица, а равно гражданином, в том числе индивидуальным предпринимателем, о своей несостоятельности, если это деяние причинило крупный ущерб [2].

Кодекс Российской Федерации об административных правонарушениях (далее – КоАП РФ) установил много новых составов правонарушений (гл. 14 КоАП РФ).

Статья 14.12 КоАП РФ дает легальное определение понятия «фиктивное банкротство». Это заведомо ложное публичное объявление руководителем или учредителем (участником) юридического лица о несостоятельности данного юридического лица либо индивидуальным предпринимателем или гражданином о своей несостоятельности, если это действие не содержит уголовно наказуемого деяния [3].

Фиктивное банкротство имеет место в ситуации, когда предприятие объективно является платежеспособным или его платежеспособность может быть восстановлена, но должник вводит кредиторов в заблуждение относительно своего финансового положения с корыстной целью. Эксперты подчеркивают: признак фиктивного банкротства устанавливается наличием возможности у должника полностью возместить требования кредиторов на момент обращения в суд.

Административно-правовые санкции выражаются в следующих видах наказаний: наложение административного штрафа на граждан в размере от 1 до 3 тыс. руб.; на должностных лиц – от 5 до 10 тыс. руб. или дисквалификация на срок от шести месяцев до трех лет.

Критерии признаков фиктивного банкротства установлены Временными правилами проверки арбитражным управляющим наличия признаков фиктивного и преднамеренного банкротства. Данные критерии утверждены постановлением Правительства РФ от 27 декабря 2004 г. № 855 «Об утверждении Временных пра-

вил проверки арбитражным управляющим наличия признаков фиктивного и преднамеренного банкротства».

Критерии связаны с проводимым арбитражным управляющим анализом значений и динамики коэффициента абсолютной ликвидности, коэффициента текущей ликвидности, показателя обеспеченности обязательств должника его активами, а также степени платежеспособности по текущим обязательствам должника.

В случае если проведенный анализ указывает на наличие у должника возможности удовлетворить в полном объеме требования кредиторов по денежным обязательствам и (или) об уплате обязательных платежей без существенного осложнения или прекращения хозяйственной деятельности, арбитражный управляющий делает основанный на объективных данных вывод о наличии признаков фиктивного банкротства [4].

Статья 14.12 КоАП РФ дает легальное определение понятия «преднамеренное банкротство». Совершение руководителем или учредителем (участником) юридического лица либо индивидуальным предпринимателем или гражданином действий (бездействия), заведомо влекущих неспособность юридического лица либо индивидуального предпринимателя или гражданина в полном объеме удовлетворить требования кредиторов по денежным обязательствам и (или) исполнить обязанность по уплате обязательных платежей, если эти действия (бездействие) не содержат уголовно наказуемых деяний [3].

Административно-правовые санкции выражаются в следующих видах наказаний: наложение административного штрафа на граждан в размере от 1 до 3 тыс. руб.; на должностных лиц – от 5 до 10 тыс. руб. или дисквалификация на срок от одного года до трех лет.

Противоправные действия, квалифицируемые как преднамеренное банкротство, выражаются в целенаправленном выводе активов и искусственном наращивании пассивов.

В научной литературе выделяют актуальные способы, такие как безвозмездное или неравноценное отчуждение имущества в пользу аффилированных лиц; необоснованные выплаты участникам при выходе из состава учредителей; создание фиктивных обязательств для размытия доли реальных кредиторов, а также принятие на себя заведомо неисполнимых долговых обязательств. Данные схемы направлены на блокирование возможности справедливого удовлетворения требований кредиторов и вывод ликвидного имущества из-под обращения взыскания.

Фиктивное банкротство представляет собой умышленное создание видимости финансового краха для извлечения необоснованной экономической выгоды. Деяние направлено на блоки-

ровку требований кредиторов и получение неправомερных рассрочек или списания долгов путем введения контрагентов в информационное заблуждение. Характерной чертой современной модели фиктивного несостоятельности является сочетание публичного объявления о дефолте с предварительным сокрытием активов внутри аффилированной группы, что радикально искажает цели института банкротства как механизма справедливого распределения конкурсной массы.

Резюмируя вышеизложенное, административные правонарушения, преступные деяния, охватываемые понятием преднамеренного и фиктивного банкротства, обладают признаками длящегося правонарушения. Выявление преднамеренного или фиктивного банкротства возможно только в случае принятия арбитражным судом судебного акта о начале процедуры банкротства, до этого момента исключена возможность как совершения, так и выявления преднамеренного и фиктивного банкротства [8, с. 3].

Условия сделок, признаваемых кабальными или невыгодными, могут касаться как стоимости имущества, так и порядка расчетов. Оценка таких операций во многом базируется на дискреционных полномочиях арбитражного управляющего. Его интерпретация событий принимается во внимание судами и правоохранительными органами как фундаментальная, что создает риски для менеджмента должника. При этом процессуальный статус управляющего не принуждает его к исчерпывающему поиску доказательств добросовестности руководства. Фактически управляющий может игнорировать фактор предпринимательского риска или объективные сложности в бизнесе, что приводит к подмене правового анализа субъективным усмотрением.

Как отмечает М. В. Михайловский, «в заключении арбитражного управляющего, которое в подавляющем большинстве случаев является поводом для возбуждения дела об административном правонарушении или уголовного дела, достаточно лишь провести формальный анализ экономических показателей должника в деле о несостоятельности (банкротстве) и указать субъективную оценку арбитражного управляющего в отношении проанализированных экономических показателей и сделок. В результате вопрос возбуждения административного производства или уголовного преследования фактически находится в ведении лица, не только не обладающего соответствующей компетенцией, но даже не являющегося государственным служащим или сотрудником судебной системы» [8, с. 4].

Методическими рекомендациями по выявлению и пресечению преступлений в сфере экономики и против порядка управления, совер-

шенных сторонами исполнительного производства, утвержденными ФССП России 15 апреля 2013 г. № 04-4, регламентированы выявление и документирование противоправных деяний в сфере несостоятельности (банкротства).

Так, согласно методическим рекомендациям, утвержденным ФССП России 15 апреля 2013 г. № 04-4, при выявлении преднамеренного банкротства устанавливается:

- имело ли место искусственное провоцирование или усугубление неспособности субъекта исполнять обязательства перед кредиторами (включая ситуации, когда балансовая стоимость активов формально превышала объем задолженности);

- хронология негативных изменений: конкретные временные рамки, в течение которых происходило планомерное снижение платежеспособности вплоть до начала процедуры банкротства;

- какие сделки заключались должником, являлись ли они экономически целесообразными, отвечали ли они интересам бизнеса;

- пострадавшие лица, масштаб и характер причиненных убытков, является ли ущерб крупным или повлекшим тяжкие последствия;

- субъективная сторона: наличие скрытых целей, таких как преднамеренное уклонение от расчетов по обязательствам.

При расследовании фиктивного банкротства устанавливается:

- имело ли место заявление о признании должника банкротом (обращение с заявлением в суд либо добровольное объявление о своем банкротстве), кто именно выступил инициатором банкротного производства и при каких условиях было подано соответствующее заявление;

- является ли зафиксированное в документах состояние финансовой несостоятельности подлинным; является ли банкротство инструментом для введения кредиторов в заблуждение с целью получения рассрочки или списания долгов;

- наличие прямого умысла на подачу заведомо ложного сообщения о финансовой несостоятельности;

- наличие фактов предоставления должнику преференций (льготные периоды, прощение долга) на основе дезинформации о его положении;

- имела ли место фальсификация документов, каких именно, кем и каким способом [5].

В современной судебной практике вопрос квалификации действий должника как фиктивного банкротства (ч. 1 ст. 14.12 КоАП РФ) неразрывно связан с проблемой доказывания реальности расходования денежных средств в предбанкротный период. Показательным примером правоприменения является дело № А43-

37633/2022, рассмотренное Арбитражным судом Нижегородской области.

В рамках процедуры реализации имущества гражданина К. финансовым управляющим было выявлено обналичивание денежных средств в размере 2,7 млн руб., совершенное незадолго до возбуждения производства по делу о несостоятельности. Должник мотивировал расходование основной части суммы (2 млн руб.) необходимостью оплаты ремонтных услуг контрагенту. Однако отсутствие первичной финансовой документации и невозможность верификации факта оказания услуг привели к выводу об искусственном сокрытии ликвидных активов.

Ключевым аспектом данного дела выступает разграничение административной и уголовной ответственности. Суд установил, что совокупный объем требований кредиторов составил порядка 2,1 млн руб. Данный размер задолженности не достигает порога «крупного ущерба», что исключает применение ст. 197 УК РФ (фиктивное банкротство как преступление).

В данном контексте административный состав по ч. 1 ст. 14.12 КоАП РФ выступает в качестве субсидиарного механизма пресечения недобросовестного поведения должника. Суд констатировал, что создание видимости неплатежеспособности при наличии скрытых резервов (в данном случае – не подтвержденных документально расходов) является основанием для привлечения к ответственности.

Исследование механизмов привлечения к административной ответственности за преднамеренное банкротство, предусмотренное ч. 2 ст. 14.12 КоАП РФ, позволяет выявить специфические подходы к квалификации деяний, совершаемых в условиях конкурсных процедур, примером судебной практики служит дело № А43-19428/2024.

Поводом для разбирательства послужило заявление прокуратуры, основанное на заключении финансового управляющего о наличии признаков преднамеренного банкротства гражданина И. В рамках анализа финансового состояния должника, признанного несостоятельным (банкротом) решением суда от 18 января 2023 г., было установлено совершение сделок, условия которых существенно отклонялись от рыночных и деловых обычаев. Эти сделки, по мнению управляющего, стали причиной возникновения состояния неплатежеспособности.

Финансовый управляющий, действуя в рамках своих полномочий, выявил факты, указывающие на совершение должником действий, направленных на недобросовестное использование конкурсной массы. Перечисление средств по сделкам, не соответствующим рыночным условиям, в условиях уже существующей неплатеже-

способности, было интерпретировано как преднамеренное создание или увеличение невозможности полного восстановления платежеспособности.

Прокуратура на основании собранных материалов и заключений инициировала возбуждение дела об административном правонарушении, предусмотренном ч. 2 ст. 14.12 КоАП РФ, и передала его в арбитражный суд.

Так, для привлечения к административной ответственности достаточным основанием является установление факта совершения сделок, ухудшающих финансовое положение должника, которые не соответствуют рыночным реалиям и обычаям делового оборота.

Собранные финансовым управляющим доказательства стали основанием для прокурорского вмешательства и последующего привлечения должника к административной ответственности. Этот прецедент подчеркивает роль финансового управляющего как ключевого звена в выявлении и фиксации признаков недобросовестного поведения должника, а также важность строгого соблюдения процедур, предусмотренных КоАП РФ, для обеспечения законности административного преследования.

Рассмотрим статистику привлечения к административной и уголовной ответственности.

Так, по ст. 14.12 КоАП в 2023 г. было рассмотрено пять дел, два человека были подвергнуты административному наказанию, в 2024 г. было рассмотрено шесть дел, подвергнут наказанию был один человек.

По ст. 196 УК РФ в 2023 г. было осуждено 19 человек, в 2024 г. – 28 человек.

По ст. 197 УК РФ в 2023 г. не было осуждено ни одного человека, в 2024 г. был осужден один человек.

Таким образом, из приведенных статистических данных усматривается, что к уголовно-правовой ответственности наиболее часто привлекаются по ст. 196 УК РФ, но в любом случае данные составы административных и уголовных правонарушений не особо применимы на практике ввиду сложности предмета доказывания.

Как отмечает В. Г. Курбан, «разграничить составы преднамеренного и фиктивного банкротства можно по следующим основаниям.

1. Разграничение по признакам объективной стороны.

Преднамеренное банкротство – субъект преступления совершает деяния, направленные на уменьшение конкурсной массы должника.

Фиктивное банкротство – субъект преступления публично объявляет о собственной несостоятельности, как правило, посредством обращения в суд с заявлением должника о банкротстве.

2. Разграничение по признакам субъективной стороны осуществляется, прежде всего, по целям.

Цель преднамеренного банкротства – ликвидация проблемной организации, освобождение от кредиторской задолженности при сохранении максимально возможного имущества.

Цель фиктивного банкротства – получение рассрочки или отсрочки исполнения обязательства, снижение суммы задолженности или прощения долга» [7, с. 128].

Г. А. Есаков считает, что «данное разграничение составов преднамеренного и фиктивного банкротства представляется наиболее целостным и обоснованным, так как учитывает все существенные характеристики рассматриваемых составов» [6, с. 254].

Составы преступления и административно-правонарушения как фиктивное и преднамеренное банкротство разграничиваются по степени общественной опасности, объективной стороне, крупного ущерба.

Как указывает Я. Е. Тимофеева, в КоАП РФ установлены нормы, предусматривающие административную ответственность за фиктивное или преднамеренное банкротство. Диспозиция ст. 14.12 КоАП РФ совпадает с диспозицией ст. 196, 197 УК РФ. Единственное отличие заключается в последствиях. Санкции, предусмотренные ст. 14.12 КоАП РФ, применяются в случае, если действия виновных лиц не содержат уголовно наказуемого деяния, т. е. крупного ущер-

ба. Правонарушения будет квалифицировано по КоАП РФ при отсутствии признаков уголовно наказуемых деяний, т. е. при условии, что незаконные действия гражданина-банкрота не повлекли последствий в виде крупного ущерба кредиторам и иным лицам [10, с. 123].

Эффективное разграничение фиктивного и преднамеренного банкротства невозможно без тесного взаимодействия уголовно-правовой доктрины, арбитражной практики и экономического анализа. Только комплексный подход, включающий совершенствование законодательной техники и внедрение актуальных криминалистических методик, позволит создать действенный механизм защиты прав кредиторов и обеспечения стабильности экономического оборота.

Резюмируя вышеизложенное, разграничение фиктивного и преднамеренного банкротства в уголовном и административном законодательстве имеет четкие теоретические критерии (разная степень общественной опасности, объективная сторона, крупный ущерб), однако на практике данные составы применяются крайне редко ввиду сложности доказывания, субъективизма заключений арбитражных управляющих и отсутствия эффективных механизмов выявления правонарушений. Низкая правоприменительная статистика свидетельствует о неэффективности существующих норм и требует совершенствования как материального права, так и методик расследования.

Список литературы

1. О несостоятельности (банкротстве) : федер. закон от 26 окт. 2002 г. № 127-ФЗ (в ред. от 9 апр. 2026 г.) // Собр. законодательства РФ. 2002. № 47. Ст. 4190.
2. Уголовный кодекс Российской Федерации от 13 июня 1996 г. № 63-ФЗ // Собр. законодательства РФ. 1996. № 25. Ст. 2954.
3. Кодекс Российской Федерации об административных правонарушениях от 30 дек. 2001 г. № 195-ФЗ // Собр. законодательства РФ. 2002. № 1 (ч. 1). Ст. 1.
4. Временные правила проверки арбитражным управляющим наличия признаков фиктивного и преднамеренного банкротства : постановление Правительства РФ от 27 дек. 2004 г. № 855 // Собр. законодательства РФ. 2004. № 52. Ст. 5519.
5. Методические рекомендации по выявлению и пресечению преступлений в сфере экономики и против порядка управления, совершенных сторонами исполнительного производства : утв. Федер. службой судебных приставов от 15 апр. 2013 г. № 04-4 // КонсультантПлюс. URL: <https://www.consultant.ru/cons/cgi/online.cgi?req=doc&base=LAW&n=151139&cacheid=F1C564FAEE091CC7BCBEC0B9B6E82AB&mode=splus&rnd=kQv8fGVOAn7lrCe5#GjWCfGVqcq24ZHVw1> (дата обращения: 13.04.2026).
6. Есаков Г. А. Комментарий к Уголовному кодексу Российской Федерации (постатейный). 9-е изд., перераб. и доп. М., 2021. 816 с.
7. Курбан В. Г. Разграничение составов преднамеренного и фиктивного банкротства // Теория и практика общественного развития. 2025. № 6. С. 252–256.
8. Михайловский М. В. Преднамеренное и фиктивное банкротство // Административное право. 2017. № 2. С. 2–7.
9. Слепышев В. А. Административная ответственность в сфере несостоятельности (банкротства) // Вестник Челябинского государственного университета. 2009. № 31 (169). С. 87–90.
10. Тимофеева Я. Е. Ответственность за нарушение законодательства о несостоятельности (банкротстве) // Вестник магистратуры. 2019. № 11-4 (98). С. 122–124.

К вопросу о предмете мошенничества при получении выплат: современное доктринальное осмысление и проблемы правоприменения

© Кригер Н. А., 2026

Н. А. Кригер

Магистрант 2-го курса, Юридический институт, Иркутский государственный университет, e-mail: nikita-kriger@bk.ru

Научный руководитель:

Э. В. Георгиевский, кандидат юридических наук, доцент, доцент кафедры уголовного права, Юридический институт, Иркутский государственный университет, e-mail: georgcrime@yandex.ru

Аннотация. Проводится комплексный теоретико-прикладной анализ предмета мошенничества при получении выплат, предусмотренного ст. 159.2 УК РФ. На основе обобщения научных позиций и судебной практики выявляются противоречия в определении предмета преступления, обосновывается необходимость расширительного толкования категории «имущество» с включением права на получение выплат. Делается вывод о двойственной (имущественно-публичной) природе рассматриваемого предмета, а также формулируются предложения по совершенствованию уголовного законодательства и правоприменительной практики.

Ключевые слова: мошенничество, социальные выплаты, предмет преступления, право на имущество, бюджетные средства, уголовная ответственность, правоприменение.

Современное развитие социального государства объективно сопровождается расширением системы публичных выплат, включающих пенсии, пособия, субсидии и иные формы материального обеспечения граждан [1]. В условиях цифровизации механизмов распределения таких средств существенно возрастают риски их незаконного получения, что, в свою очередь, актуализирует проблему уголовно-правовой защиты соответствующих общественных отношений [2].

Как справедливо отмечается в научной литературе, введение в УК РФ [7] специальной нормы о мошенничестве при получении выплат не устранило существующих теоретических и практических противоречий, а в ряде случаев даже усилило их, прежде всего в части определения предмета преступления. Следует подчеркнуть, что, в отличие от классических форм хищения, рассматриваемый состав характеризуется усложненной юридической конструкцией, обусловленной сочетанием публично-правовых и частноправовых элементов. Это проявляется, в частности, в неопределенности ответа на вопрос: что именно выступает предметом преступления – денежные средства, право на их получение или совокупность указанных элементов [3].

Таким образом, исследуемая проблема носит междисциплинарный характер и требует обращения как к уголовно-правовой теории, так и к финансово-правовым аспектам [4].

Классическая уголовно-правовая доктрина исходила из узкого понимания предмета преступления как вещи материального мира (Н. Ф. Кузнецова). Данный подход был обусловлен особенностями экономических отношений, в которых преобладали вещественные формы

имущества. Однако развитие финансовых инструментов и цифровых технологий привело к трансформации представлений о предмете преступления. В современных условиях значительная часть имущественных благ существует в безналичной форме, что объективно требует пересмотра традиционных подходов [5].

В этой связи заслуживает поддержки позиция А. В. Наумова [13, с. 215–220], который обосновывает необходимость включения в предмет преступления не только вещей, но и имущественных прав. Аналогичную точку зрения высказывают Л. Д. Гаухман и В. В. Лунеев, указывая на самостоятельную уголовно-правовую значимость права требования как объекта посягательства.

Представляется, что игнорирование нематериальных форм имущества приводит к искусственному сужению сферы уголовно-правовой охраны и не соответствует современным реалиям [6].

В соответствии с диспозицией ст. 159.2 УК РФ предметом рассматриваемого преступления выступают выплаты, под которыми понимаются денежные средства или иное имущество, предоставляемые гражданам на основании закона или иных нормативных актов.

При этом следует обратить внимание на отсутствие легального определения термина «выплата», что создает значительные трудности при квалификации деяний. В научной доктрине рассматриваемая категория не имеет единообразного толкования: она варьируется от узкого подхода, ограничивающегося исключительно денежными средствами, до более широкого, охватывающего различные формы имущественных предоставлений.

Наибольшие трудности вызывает квалификация в качестве предмета преступления права на получение соответствующей выплаты. Изучение правоприменительной практики свидетельствует о том, что в отдельных случаях деяние признается оконченным уже на стадии возникновения у лица права требования, даже при отсутствии фактического поступления денежных средств. С позиции теории уголовного права подобный подход представляется оправданным, поскольку право требования обладает самостоятельной экономической ценностью и способно выступать объектом гражданского оборота [8, с. 402].

Характерной чертой анализируемого состава преступления является публичный характер источника имущества, а именно бюджетных средств. Как указывается в научной литературе, такие средства до момента их перечисления сохраняют публично-правовую природу, однако после поступления в распоряжение гражданина трансформируются в объект частной собственности. Данная трансформация имеет принципиальное значение для уголовно-правовой оценки деяния, поскольку определяет момент причинения ущерба и, соответственно, момент окончания преступления.

Кроме того, следует учитывать, что посягательство на бюджетные средства затрагивает не только имущественные интересы государства, но и функционирование системы социального обеспечения в целом. Это позволяет говорить о сложном, многоуровневом характере объекта преступления. Анализ судебной практики свидетельствует о неоднородности подходов к определению предмета преступления.

Так, например, в уголовном деле Октябрьского районного суда г. Иркутска судом было установлено, что виновное лицо незаконно получило денежные средства из системы социального обеспечения, причинив ущерб государственным органам, в частности органам пенсионного и социального страхования, а также органам социальной защиты [11]. В рамках приговора с осужденной взыскан материальный ущерб в размере свыше 428 тыс. руб. в пользу соответствующего фонда и дополнительно 100 тыс. руб. в пользу органа социальной политики.

Одновременно суд применил обеспечительные меры в виде сохранения ареста на имущество осужденной (земельный участок), что свидетельствует о комплексном подходе к обеспечению исполнения приговора в части гражданских исков. Правовая оценка деяния состоит в следующем: из содержания приговора следует, что действия виновной квалифицированы как мошенничество при получении выплат, что предполагает установление следующих обяза-

тельных признаков: получение денежных средств из публичных фондов; использование обмана или представление недостоверных сведений; причинение имущественного ущерба государству.

При этом ключевое значение в деле имело установление факта незаконности получения выплат и их последующего использования, а также причинно-следственной связи между предоставленными сведениями и фактом назначения выплат. Анализ данного и иных дел позволяет выделить ряд типичных проблем, возникающих в судебной практике.

В рассматриваемой ситуации предметом преступления выступают денежные средства, предоставляемые в рамках системы социального обеспечения. Однако с теоретической точки зрения возникает вопрос: следует ли считать предметом исключительно фактически полученные денежные средства либо также право на их получение.

При анализе данного уголовного дела выявлено, что при определении предмета преступления суд связывает его прежде всего с уже выплаченными суммами, что упрощает доказывание, но не устраняет доктринальных противоречий. Несмотря на отсутствие прямого акцентирования данного аспекта в тексте приговора, характер разрешения вопроса о взыскании ущерба позволяет сделать вывод о признании преступления оконченным с момента фактического поступления денежных средств в распоряжение виновного лица.

Одновременно анализ правоприменительной практики свидетельствует о наличии альтернативных подходов к определению момента окончания преступления, что объективно порождает риск неоднородности квалификации тождественных по фактическим обстоятельствам деяний.

Определяющее значение при этом имеет установление осознания лицом противоправного характера получения соответствующих выплат и направленности его умысла на их хищение.

Данная категория дел традиционно сопряжена с повышенной сложностью доказывания субъективной стороны, поскольку сторона защиты нередко апеллирует к наличию ошибки, добросовестного заблуждения либо некорректного восприятия условий предоставления выплат. В аспекте соотношения гражданско-правовых последствий и уголовной ответственности следует отметить, что спецификой рассматриваемого дела является активное применение института гражданского иска в рамках уголовного судопроизводства. Суд наряду с назначением уголовного наказания обеспечивает возмещение причиненного государству ущерба, в

том числе посредством использования мер обеспечения иска. Это подтверждает тенденцию к усилению компенсационной функции уголовного судопроизводства.

Рассматриваемое дело иллюстрирует устойчивую практику квалификации незаконного получения социальных выплат как мошенничества при наличии доказанного обмана и факта причинения ущерба. Похожее уголовное дело Октябрьского районного суда г. Иркутска представляет собой типичный пример организованного мошенничества при получении выплат, связанного с незаконным использованием средств материнского (семейного) капитала [12].

Судом установлено, что Н. и С. реализовали преступную схему, направленную на хищение бюджетных средств путем оформления фиктивных гражданско-правовых сделок. В частности, ими был заключен мнимый договор купли-продажи нежилого помещения, оформлен фиктивный договор целевого займа, после чего в уполномоченный орган были представлены заведомо ложные сведения для получения средств материнского капитала.

Полученные денежные средства были распределены между соучастниками, что свидетельствует о завершенности преступного умысла и реализации заранее спланированной схемы хищения. Действия виновных квалифицированы по ч. 3 ст. 159.2 УК РФ – мошенничество при получении выплат, совершенное группой лиц по предварительному сговору, в крупном размере; ч. 3 ст. 30, ч. 2 ст. 159.2 УК РФ – покушение на мошенничество (в части получения регионального материнского капитала) [7].

Такая квалификация отражает как оконченную форму преступления, так и неоконченное преступление, что придает делу особую сложность с точки зрения юридической оценки. Анализ данного дела позволяет выделить ряд ключевых проблем, имеющих существенное значение для правоприменительной практики. В рассматриваемом деле предметом выступают средства материнского капитала – особая разновидность бюджетных выплат, имеющая строго целевое назначение [9].

Однако возникает сложный теоретико-практический вопрос: что является предметом преступления – непосредственно денежные средства либо право на их получение, возникающее в результате подачи документов? Дополнительно усложняет ситуацию наличие двух видов выплат – федерального и регионального материнского капитала, что требует разграничения предмета по каждому эпизоду. Для квалификации содеянного суду необходимо установить наличие предварительного сговора, распределение ролей и согласованность действий

участников преступления. При этом одна из обвиняемых выступала организатором схемы (предложение механизма обналаживания), тогда как другая – непосредственным исполнителем, предоставлявшим документы. Рассматриваемый аспект имеет определяющее значение для корректной уголовно-правовой квалификации содеянного, а также для индивидуализации наказания.

Специфика данного дела обусловлена одновременным наличием как оконченного мошенничества, так и покушения на его совершение. В части распоряжения средствами федерального материнского капитала преступление было доведено до конца, тогда как применительно к региональной выплате оно не было завершено по обстоятельствам, не зависящим от воли виновных лиц. Указанное требует точного установления стадии преступной деятельности, а также причин ее незавершенности.

Существенное значение в процессе доказывания имело установление мнимого характера заключенных гражданско-правовых договоров. В этой связи судом исследовались такие обстоятельства, как пригодность приобретенного жилого помещения для проживания, реальность заемных обязательств, а также наличие экономически оправданной цели заключения сделок. Установление фиктивности указанных договоров послужило основанием для квалификации действий обвиняемых как мошенничества.

Отдельное внимание было уделено установлению признаков субъективной стороны, в частности наличию прямого умысла и корыстной цели совершения преступления [14, с. 312].

Суд пришел к выводу, что обвиняемые осознавали противоправность своих действий, заранее планировали хищение и действовали согласованно, что подтверждается последовательностью их действий и характером представленных документов. Рассматриваемое дело демонстрирует сложный, многоэлементный характер мошенничества при получении выплат, особенно в случаях организованных схем.

По данному уголовному делу можно сделать следующие выводы. Предмет преступления в подобных делах имеет сложную структуру и может включать как денежные средства, так и право на их получение; квалификация осложняется необходимостью разграничения соучастия, стадий преступления и видов выплат; ключевое значение приобретает доказывание фиктивности гражданско-правовых сделок; практика подтверждает отсутствие единообразного подхода к определению момента окончания преступления [11; 12].

Таким образом, данное уголовное дело наглядно иллюстрирует, что именно неопреде-

ленность правовой природы предмета мошенничества в сфере выплат и сложность механизма его получения являются основными факторами, затрудняющими квалификацию подобных преступлений.

В то же время оно наглядно демонстрирует сохраняющиеся проблемы правоприменения, прежде всего связанные с определением содержания предмета преступления, установлением момента окончания мошенничества, доказыванием субъективной стороны деяния [20, с. 27].

В частности, в делах о незаконном получении социальных выплат суды сталкиваются с необходимостью установления следующих обстоятельств: наличие умысла на хищение; достоверность представленных сведений; момент возникновения права на выплату; фактическое получение денежных средств.

Особую сложность представляют дела, связанные с использованием материнского капитала, где нередко применяются сложные схемы с фиктивными сделками и участием нескольких лиц. В подобных случаях предмет преступления приобретает опосредованный характер, что требует более глубокого анализа механизма совершения преступления. Системный анализ позволяет выделить ряд наиболее острых проблем: нормативная неопределенность понятия выплат; отсутствие единообразия в понимании предмета преступления; различия в определении момента окончания преступления; сложности разграничения мошенничества и иных правонарушений; проблемы доказывания субъективной стороны [19, с. 45].

Указанные проблемы свидетельствуют о недостаточной разработанности рассматриваемого института как на уровне законодательства, так и в правоприменительной практике. С учетом проведенного анализа представляется возмож-

ным сформулировать интегративный подход к определению предмета мошенничества при получении выплат.

Предмет данного преступления следует рассматривать как денежные средства публичного происхождения, а равно как право на их получение, возникающее в результате реализации мер социальной поддержки, на которые осуществляется посягательство посредством обмана или злоупотребления доверием.

Такой подход соответствует диспозиции уголовного закона, учитывает современные формы имущественных отношений и обеспечивает единообразие правоприменения. Кроме того, он позволяет преодолеть искусственное противопоставление имущества и права на имущество, рассматривая их как взаимосвязанные элементы единой категории.

Подводя итог, отметим, что проведенное исследование подтверждает, что проблема определения предмета мошенничества при получении выплат сохраняет высокий уровень научной и практической значимости. В связи с этим будет логичным предложить усовершенствовать правоприменение данного института. Так, предмет преступления имеет сложную, многоуровневую природу, его содержание не может быть сведено исключительно к материальным объектам, а правоприменительная практика нуждается в унификации. Кроме того, дальнейшее развитие доктрины должно учитывать цифровизацию имущественных отношений [17, с. 198–210]. В этой связи представляется целесообразным разработать разъяснения высших судебных органов, уточнить законодательное определение выплат и закрепить на доктринальном уровне расширенное понимание предмета преступления.

Список литературы

1. О государственной социальной помощи : федер. закон от 17 июля 1999 г. № 178-ФЗ (ред. от 2025 г.) // Собр. законодательства РФ. 1999. № 29. Ст. 3699.
2. Долгова А. И. Криминология : учебник. М. : Норма, 2022. 720 с.
3. Кибальник А. Г. Мошенничество: уголовно-правовые и криминологические аспекты // Журнал российского права. 2023. № 5. С. 45–52.
4. О судебной практике по делам о мошенничестве, присвоении и растрате: постановление Пленума Верховного Суда РФ от 30 нояб. 2017 г. № 48 (ред. от 2023 г.) // Бюллетень Верховного Суда РФ. 2018. № 2.
5. Комментарий к Уголовному кодексу Российской Федерации / под ред. А. И. Рарога. М. : Проспект, 2024. 1440 с.
6. Лопашенко Н. А. Преступления против собственности : монография. М. : Норма, 2020. 528 с.
7. Уголовный кодекс Российской Федерации : федер. закон от 13 июня 1996 г. № 63-ФЗ (ред. от 2025 г.) // Собр. законодательства РФ. 1996. № 25. Ст. 2954.
8. Бастрыкин А. И. Уголовное право. Особенная часть. СПб. : Юрид. центр, 2021. 640 с.
9. О дополнительных мерах государственной поддержки семей, имеющих детей : федер. закон от 29 дек. 2006 г. № 256-ФЗ (ред. от 2025 г.) // Собр. законодательства РФ. 2007. № 1. Ст. 19.
10. О страховых пенсиях : федер. закон от 28 дек. 2013 г. № 400-ФЗ (ред. от 2025 г.) // Собр. законодательства РФ. 2013. № 52. Ст. 6965.
11. Приговор Октябрьского районного суда г. Иркутска от 29 дек. 2025 г. по делу № 1-634/2025 (Бердюгина Я. В.) // Архив Октябрьского районного суда г. Иркутска.

12. Приговор Октябрьского районного суда г. Иркутска от 31 июля 2025 г. по делу № 1-506/2025 (Стригова Е. В.) // Архив Октябрьского районного суда г. Иркутска.
13. Наумов А. В. Российское уголовное право. Общая часть : учебник. М. : Норма, 2022. 784 с.
14. Рарог А. И. Уголовное право России. Особенная часть : учебник. М. : Проспект, 2023. 816 с.
15. Конституция Российской Федерации : принята всенарод. голосованием 12 дек. 1993 г. (с учетом поправок, одобр. в ходе общерос. голосования 1 июля 2020 г.) // Официальный интернет-портал правовой информации. URL: <http://pravo.gov.ru>.
16. О судебной практике по делам о мошенничестве, присвоении и растрате : постановление Пленума Верховного Суда РФ от 27 дек. 2007 г. № 51 (ред. от 2023 г.) // Бюллетень Верховного Суда РФ. 2008. № 2.
17. Иванов С. П. Проблемы квалификации мошенничества при получении социальных выплат // Российский судья. 2024. № 3. С. 27–33.
18. Петрякова Л. А. Особенности личности мошенника, совершающего преступление в банковской сфере в Сибирском федеральном округе // Сибирский юридический вестник. 2022. № 3 (98). С. 49–54.

Государственный контроль и надзор за нормативными правовыми актами органов исполнительной власти субъекта Российской Федерации

© Маланьин Г. А., 2026

Г. А. Маланьин

Магистрант 2-го года обучения, Юридический институт, Иркутский государственный университет, e-mail: gera210602@gmail.com

Научный руководитель:

О. П. Бузько, старший преподаватель кафедры конституционного права и теории права, Юридический институт, Иркутский государственный университет, e-mail: olga-buzko@mail.ru

Аннотация. Исследуются конституционно-правовые и отраслевые основы государственного контроля и надзора за нормативными правовыми актами органов исполнительной власти субъекта РФ на примере Иркутской области. Анализируется система внутренних и внешних механизмов контроля (прокурорский надзор, судебный контроль, правовая и антикоррупционная экспертиза, мониторинг применения актов), а также их институциональное закрепление в федеральном и региональном законодательстве. Выявляются ключевые организационно-правовые проблемы обеспечения законности регионального нормотворчества и формулируются предложения по совершенствованию процедур контроля и надзора в целях повышения эффективности публичного управления.

Ключевые слова: государственный контроль, государственный надзор, нормативные правовые акты субъекта РФ, органы исполнительной власти субъекта РФ, Иркутская область.

Анализ государственного контроля и надзора за нормативными правовыми актами органов исполнительной власти субъекта РФ опирается на конституционную модель единства правового пространства, закрепленную в ст. 4, 71–72, 76 и 77 Конституции РФ [1]. В рамках этой модели нормативные акты субъекта допустимы постольку, поскольку они соответствуют Конституции, федеральным конституционным и федеральным законам и не выходят за пределы разграниченных предметов ведения и полномочий. Л. А. Нудненко, характеризуя статус субъекта Федерации, справедливо отмечает, что автономия регионального нормотворчества ограничена не только иерархией источников, но и действием специальных механизмов контроля и надзора, встроенных в конституционную конструкцию российского федерализма [19, с. 118].

В дискуссии о соотношении понятий «контроль» и «надзор» в публичном управлении показателен подход Ю. В. Шабановой и П. И. Кононова, фиксирующих тенденцию к фактическому размыванию границ между ними [22, с. 107]. Для настоящего исследования принципиально их разведение: государственный контроль понимается как преимущественно внутренняя, иерархически организованная деятельность органов исполнительной власти, тогда как надзор выступает внешней проверкой соответствия нормативных актов закону, прежде всего в прокурорской и судебной формах. Такое различие позволяет описывать меры в отношении нормативных актов исполнительных органов субъекта Федерации как систему, в которой со-

четаются внутриведомственные и внешние правовые механизмы.

Федеральную нормативную основу этой системы образуют Конституция РФ, Федеральный закон от 21 декабря 2021 г. № 414-ФЗ «Об общих принципах организации публичной власти в субъектах Российской Федерации» [6], Закон РФ от 17 января 1992 г. № 2202-1 «О прокуратуре Российской Федерации» [3], Федеральный закон от 17 июля 2009 г. № 172-ФЗ «Об антикоррупционной экспертизе нормативных правовых актов и проектов нормативных правовых актов» [4], а также Кодекс административного судопроизводства РФ (КАС РФ) [2]. И. А. Кузнецов и Н. Ф. Ишбулдин подчеркивают, что именно сочетание общих организационных принципов, закрепленных в Федеральном законе от 21 декабря 2021 г. № 414-ФЗ, с отраслевыми и процессуальными регламентами формирует сквозной правовой режим контроля за актами публичной администрации, не оставляющий «серых зон» вне действия надзорных процедур [16, с. 27].

Содержательные ориентиры новой модели государственного контроля и надзора заданы Федеральным законом от 31 июля 2020 г. № 248-ФЗ «О государственном контроле (надзоре) и муниципальном контроле в Российской Федерации» [5]. Данный закон делает контрольно-надзорную деятельность стандартизированной путем внесения обязательных требований и правил осуществления данной деятельности. А. Евдокимов верно замечает, что в данных обстоятельствах заметно увеличиваются стандарты качества самих нормативных правовых актов субъек-

ективного уровня: акты, закрепляющие обязательные требования, теперь находятся под постоянным контролем. Регулярный мониторинг, профилактика и оценка правоприменения переводят надзор за исполнительной властью от эпизодических проверок к непрерывному регулированию [14, с. 110].

Статус органов, осуществляющих контрольно-надзорную деятельность в отношении нормативных актов региональной исполнительной власти, нуждается в специальном административно-правовом описании. И. Д. Фиалковская обоснованно критикует традиционную доктрину за недооцененность специфичности правового положения данных органов и указывает на то, что именно специфический перечень полномочий, процессуальных гарантий и ответственности контролирующего субъекта определяет реальную эффективность надзора за нормативными актами [21, с. 338]. В практической деятельности образуются сложные правовые взаимоотношения органов прокуратуры, Министерства юстиции РФ и его территориальных органов, контрольно-счетных органов субъектов Федерации и профильных подразделений правового обеспечения при высших исполнительных органах субъектов. Роль каждого из указанных субъектов контроля проявляется в собственных правовых механизмах воздействия на качество и законность региональных нормативных предписаний.

Особо следует отметить роль Министерства юстиции РФ в процессе поддержания законности нормативных актов, издаваемых исполнительными органами власти субъектов РФ. Реестр нормативных правовых актов, который ведет Министерство юстиции РФ, помогает привести региональное законодательство в порядок путем проверки его соответствия Конституции РФ и иным федеральным законам, принятым на территории Российской Федерации.

В практическом плане это сводится к анализу всех поступающих нормативных правовых актов и их последующей регистрацией с целью создания полного и актуального перечня действующих региональных норм. Такой механизм позволяет выявлять системные дефекты в законодательстве и не допускать закрепления в правоприменении норм, противоречащих требованиям федерального законодательства.

Контрольно-счетные органы субъектов РФ (и муниципальных образований в пределах их компетенции) дополняют систему контроля, являясь институтом внешнего государственного (муниципального) финансового контроля и бюджетного процесса. Применительно к государственному контролю и надзору за нормативными правовыми актами органов исполнительной власти субъекта их функция сводится в

первую очередь к оценке проектов нормативных правовых актов, способных в силу своей специфики порождать расходные обязательства или же менять параметры бюджетного планирования. В данном случае заключения контрольно-счетных органов служат инструментом для идентификации потенциальных угроз нарушения бюджетных процедур и неэффективного расходования бюджетных средств. Обобщая, можно сказать, что вышеназванные полномочия контрольно-счетных органов опосредованно обеспечивают законность и обоснованность нормативного регулирования в финансово-значимых сферах и вместе с тем повышают качество управленческих решений, отражаемых в региональных нормативных правовых актах.

В рамках системы контроля за законностью нормативных правовых актов, издаваемых исполнительными органами власти субъекта РФ, прокуратура играет ключевую роль. В соответствии с Федеральным законом «О прокуратуре Российской Федерации» и практикой прокурорского реагирования прокуратура осуществляет оценку законности подзаконных актов субъекта, используя протест, представление и обращение в суд как основные механизмы правового воздействия [3]. По мнению А. В. Мартынова, прокуратура занимает уникальное положение: будучи частью системы государственного управления, она одновременно обладает достаточной автономией для проверки нормативных актов региональной исполнительной власти [17, с. 59].

Анализ научных взглядов на прокурорский надзор позволяет выделить его особую роль, как связующего звена между различными уровнями контроля. В учебном пособии «Прокурорский надзор» под редакцией А. Ф. Смирнова отмечается, что материалы прокурорских проверок и акты прокурорского реагирования обеспечивают своевременное выявление системных дефектов регионального нормотворчества, включая случаи выхода органов исполнительной власти субъекта за пределы компетенции, установленной Конституцией РФ и Федеральным законом от 21 декабря 2021 г. № 414-ФЗ «Об общих принципах организации публичной власти в субъектах Российской Федерации». Таким образом, в совокупности вышеназванные меры – прокурорский надзор с антикоррупционной экспертизой и судебным контролем – формируют эффективную модель обеспечения законности нормативных актов органов исполнительной власти субъекта.

Позиция А. В. Мартынова позволяет по-новому оценить необходимость уточнения процессуального статуса прокуратуры в делах об оспаривании нормативных правовых актов по правилам КАС РФ [18, с. 38]. Речь идет не только

о расширении возможностей прокурора как инициатора процесса, но и о его участии в дальнейшем мониторинге исполнения судебных решений, включая корректировку подзаконных актов правительства и отраслевых органов исполнительной власти Иркутской области. Такой подход усиливает связь надзорной деятельности прокуратуры с внутриведомственным контролем и антикоррупционным мониторингом и создает предпосылки для более полного устранения выявленных нарушений в нормативной сфере.

Значимым элементом механизма обеспечения законности является судебный контроль, осуществляемый по правилам КАС РФ и разъясненный в постановлении Пленума Верховного Суда РФ от 25 декабря 2018 г. № 50 «О практике рассмотрения судами дел об оспаривании нормативных правовых актов и актов, содержащих разъяснения законодательства и обладающих нормативными свойствами» [12]. В. В. Костылев отмечает, что организационно-правовые проблемы здесь проявляются в недостаточной координации между судами и иными контролирующими органами: решения о признании нормативных актов недействующими не всегда сопровождаются своевременной корректировкой регионального нормотворчества, в том числе в системе органов исполнительной власти субъекта, что снижает превентивный эффект судебного контроля [15, с. 323].

Специфика Иркутской области как субъекта РФ определяется ее Уставом от 17 апреля 2009 г. № 1-У, закрепляющим систему органов государственной власти и определяющим правительство Иркутской области в качестве высшего исполнительного органа, уполномоченного принимать постановления и распоряжения нормативного характера [7]. Закон Иркутской области от 12 января 2010 г. № 1-ОЗ «О правовых актах Иркутской области и правотворческой деятельности в Иркутской области» устанавливает иерархию региональных правовых актов, выделяет нормативные правовые акты губернатора, правительства и иных исполнительных органов, закрепляет требования к их структуре, юридическому оформлению, порядку принятия, государственной регистрации и официальному опубликованию [8]. Тем самым региональная правовая база задает формальные рамки для осуществления внутреннего ведомственного контроля и внешнего надзора за актами органов исполнительной власти.

Отдельное измерение контроля за нормативными актами исполнительных органов Иркутской области связано с противодействием коррупции и регулированием делегированных полномочий. Закон Иркутской области от 13 октября 2010 г. № 92-ОЗ «О противодействии кор-

рупции в Иркутской области» возлагает на правительство и иные органы исполнительной власти обязанности по организации антикоррупционной экспертизы своих нормативных правовых актов и их проектов, а также по мониторингу их применения [9]. Во исполнение этих предписаний постановлением правительства Иркутской области от 12 января 2015 г. утвержден порядок проведения антикоррупционной экспертизы нормативных правовых актов и их проектов [10], а постановлением от 25 ноября 2013 г. № 531-пп – порядок антикоррупционного мониторинга, осуществляемого исполнительными органами власти [11]. Ю. А. Пеганова, исследуя контроль за правовым регулированием субъектами РФ переданных федеральных полномочий в сфере лесных отношений, показывает, насколько качество региональных актов зависит от эффективности антикоррупционной экспертизы и межуровневого надзора [20, с. 147].

Историческую и институциональную динамику отечественной модели контроля и надзора за актами исполнительной власти подробно анализирует В. А. Винокуров [13, с. 18]. Он связывает переход от ревизионной парадигмы к регуляторной с изменением акцента: от проверки отдельных управленческих решений к оценке содержания нормативных установлений. В Иркутской области это выражается в усложнении массива регулирования: многократные изменения в закон Иркутской области от 12 января 2010 г. № 1-ОЗ «О правовых актах Иркутской области и правотворческой деятельности в Иркутской области» и Устав региона, включая корректировки последних лет, направлены на приведение региональной системы правотворчества в соответствие с федеральной концепцией пересмотра обязательных требований и риск-ориентированного контроля. Вместе с тем сохраняются проблемы оперативного пересмотра подзаконных актов исполнительных органов.

Перспективы развития системы государственного контроля и надзора за нормативными правовыми актами органов исполнительной власти Иркутской области связаны с дальнейшей унификацией процедур правовой, антикоррупционной и антимонопольной экспертизы проектов актов, расширением применения цифровых инструментов мониторинга их реализации и укреплением механизмов взаимодействия региональных органов власти с федеральными структурами. В научном плане требуется более глубокое осмысление соотношения внутриведомственного контроля и внешнего надзора, разработка критериев оценки эффективности контрольных мероприятий и модели обратной связи, при которой результаты прокурорских и судебных проверок непосредственно

приводят к изменению региональных нормативных актов и практики правотворчества органов исполнительной власти. Такая модель должна обеспечивать не только формальное соответ-

ствие актов Иркутской области иерархии источников права, но и их реальную пригодность для регулирования в условиях меняющейся федеративной и регуляторной политики.

Список литературы

1. Конституция Российской Федерации : принята всенарод. голосованием 12 дек. 1993 г.) (с учетом поправок, внесенных Федеральным конституционным законом «О поправках к Конституции РФ» от 30 декабря 2008 г. № 6-ФКЗ, от 30 декабря 2008 г. № 7-ФКЗ, от 5 февраля 2014 г. № 2-ФКЗ, от 21 июля 2014 г. № 11-ФКЗ, от 14 марта 2020 г. № 1-ФКЗ, от 4 октября 2022 г. № 5-ФКЗ, от 4 октября 2022 г. № 6-ФКЗ, от 4 октября 2022 г. № 7-ФКЗ, от 4 октября 2022 г. № 8-ФКЗ) // КонсультантПлюс : справ. поисковая система : сайт. URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_28399/ (дата обращения: 01.12.2025).
2. Кодекс административного судопроизводства Российской Федерации от 27 июля 2010 г. № 210-ФЗ // Собр. законодательства РФ. 2010. № 31. Ст. 4198.
3. О прокуратуре Российской Федерации : федер. закон от 17 янв. 1992 г. № 2202-1 // Собр. законодательства РФ. 1992. № 3. Ст. 210.
4. Об антикоррупционной экспертизе нормативных правовых актов и проектов нормативных правовых актов : федер. закон от 17 июля 2009 г. № 172-ФЗ // Собр. законодательства РФ. 2009. № 29. Ст. 3549.
5. О государственном контроле (надзоре) и муниципальном контроле в Российской Федерации : федер. закон от 31 июля 2020 г. № 248-ФЗ // Собр. законодательства РФ. 2020. № 31. Ст. 5007.
6. Об общих принципах организации публичной власти в субъектах Российской Федерации : федер. закон от 21 дек. 2021 г. № 414-ФЗ // Собр. законодательства РФ. 2021. № 52. Ст. 8973.
7. Устав Иркутской области от 17 апр. 2009 г. № 1 // Ведомости Законодательного собрания Иркутской области. 2009. № 1.
8. О правовых актах Иркутской области и правотворческой деятельности в Иркутской области : закон Иркут. обл. от 12 янв. 2010 г. № 1-ОЗ // Ведомости Законодательного Собрания Иркутской области. 2010. 18 янв.
9. О противодействии коррупции в Иркутской области : закон Иркут. обл. от 13 окт. 2010 г. № 92-ОЗ // Ведомости Законодательного собрания Иркутской области. 2010. № 26.
10. Об утверждении Порядка проведения антикоррупционной экспертизы нормативных правовых актов Иркутской области и их проектов : постановление Правительства Иркут. обл. от 12 янв. 2015 г. № 3-пп. URL: <http://pravo.gov.ru/proxy/ips/?docbody=&prevDoc=170039072&backlink=1&&nd=170024202&rdk=1&refoid=170039101> (дата обращения: 01.12.2025).
11. Об утверждении Порядка осуществления антикоррупционного мониторинга исполнительными органами государственной власти Иркутской области : постановление Правительства Иркут. обл. от 25 нояб. 2013 г. № 531-пп. URL: <http://pravo.gov.ru/proxy/ips/?docbody=&prevDoc=170024755&backlink=1&&nd=170024753&rdk=1&refoid=170024792> (дата обращения: 01.12.2025).
12. О практике рассмотрения судами дел об оспаривании нормативных правовых актов и актов, содержащих разъяснения законодательства и обладающих нормативными свойствами : постановление Пленума Верховного Суда РФ от 25 дек. 2018 г. № 50 // Российская газета. 2019. № 6.
13. Винокуров В. А. Контроль и надзор в Российской Федерации: история, современность и предложения по совершенствованию // Право и политика. 2023. № 5. С. 2-19.
14. Евдокимов А. Государственный контроль (надзор) в Российской Федерации : учеб. пособие. М. : Литрес, 2024. 213 с.
15. Костылев В. В. Организационно-правовые проблемы осуществления контроля и надзора в публичном управлении // Ученые записки Крымского федерального университета имени В. И. Вернадского. Юридические науки. 2022. Т. 8, № 2. С. 315-324.
16. Кузнецов И. А., Ишбулдин Н. Ф. Правовые основы осуществления государственного контроля в Российской Федерации // Международный журнал гуманитарных и естественных наук. 2022. № 2-2. С. 124-127.
17. Мартынов А. В. Контроль и надзор в сфере обеспечения национальной безопасности Российской Федерации // Вестник Университета имени О. Е. Кутафина. 2022. № 11 (99). С. 50-59.
18. Мартынов А. В. Роль прокуратуры в системе контрольно-надзорной деятельности органов исполнительной власти: теоретические и практические вопросы // Актуальные вопросы контроля и надзора в социально значимых сферах деятельности общества и государства. 2022. № 2. С. 38-80.
19. Нудненко Л. А. Конституционное право : учеб. 11-е изд., перераб. и доп. М. : Юрайт, 2025. 505 с.
20. Пеганова Ю. А. Проблематика контроля за правовым регулированием субъектами Российской Федерации вопросов осуществления переданных федеральных полномочий в области лесных отношений // Образование и право. 2023. № 11. С. 170-174.
21. Фиалковская И. Д. Административно-правовой статус субъекта, осуществляющего контрольно-надзорную деятельность // Актуальные вопросы контроля и надзора в социально значимых сферах деятельности общества и государства. 2022. № 1. С. 331-339.
22. Шабанова Ю. В., Кононов П. И. Организационно-правовые формы в сфере реализации государственного контроля и надзора // Интернаука. 2021. № 19-4. С. 103-107.

Проблема определения надлежащего ответчика в делах о защите репутационных благ в гражданском и арбитражном процессах

© Мещеряков А. Л., 2026

А. Л. Мещеряков

Студент 3-го курса, Юридический институт, Иркутский государственный университет, e-mail: a89500992402@gmail.com

Научный руководитель:

Т. Л. Курас, кандидат исторических наук, доцент, доцент кафедры судебного права, Юридический институт, Иркутский государственный университет, e-mail: tanya_kuras@mail.ru

Аннотация. Рассматривается проблема определения надлежащего ответчика в делах о защите репутационных благ в гражданском и арбитражном процессах, прежде всего в случае интернет-диффамации и в диффамационных казусах, связанных со СМИ.

Ключевые слова: надлежащий ответчик, гражданский процесс, арбитражный процесс, диффамация, репутационные блага.

Защита репутационных благ (честь, достоинство, доброго имени и репутации) имеет vitalное значение для любого субъекта гражданских правоотношений [1]. При этом она осуществляется, прежде всего, в исковом порядке в гражданском и арбитражном процессах. Ведь исковое производство – наиболее эффективный и универсальный механизм защиты благ, являющихся объектами гражданских правоотношений [2, с. 48]. Вместе с тем одним из центральных вопросов, которые необходимо разрешить суду для вынесения законного и обоснованного решения, осуществления действительного восстановления нарушенных прав истца в ходе как гражданского, так и арбитражного судопроизводства, является проблема определения надлежащего ответчика [3, с. 113]. Более того, правильное предположение о личности надлежащего ответчика при подаче искового заявления поможет истцу наиболее эффективно и быстро защитить свое нарушенное право, избежать необоснованных процессуальных издержек. Ведь то, что истец сам при обращении в суд определяет ответчика по делу, является проявлением ключевого для гражданского и арбитражного процессов принципа диспозитивности, согласно которому сторонам необходимо соблюдать должную активность [4, с. 71].

Исходя из этого, считаем актуальным изучить в настоящем исследовании проблему определения надлежащего ответчика в делах о защите репутационных благ в гражданском и арбитражном процессах, прежде всего от интернет-диффамации и в диффамационных казусах, связанных со СМИ.

Информационные отношения в сети Интернет очень динамичны, сложны, гибки. Современные технологии позволяют распространять любые данные быстро и анонимно. Поэто-

му при разрешении вопроса об определении надлежащего ответчика по иску, основанием которого является распространение потенциально ложных порочащих сведений в интернете, на практике возникает огромное количество проблем.

Например, иск может быть предъявлен не к истинному диффаматору – юридическому лицу, а к схожему по наименованию ответчику [5]; в качестве ответчика может фигурировать автор основного, недиффамационного, текста, хотя иск должен быть подан против авторов ложных и оскорбительных комментариев [6]; интернет-статья, содержащая диффамационные сведения, может быть опубликована от чужого имени без ведома предполагаемого «автора» данного произведения [7]; спорная информация может быть размещена на сайте не его владельцем, а иным лицом, состоящим с владельцем сайта в договорных отношениях по размещению информации [8]; истец может выбрать законный, но не подходящий для данного случая способ защиты репутационных благ [9].

Между тем, согласно правовой позиции Верховного Суда РФ, надлежащими ответчиками по диффамационным искам являются авторы не соответствующих действительности порочащих сведений, а также лица, распространившие эти сведения [1]. Так, если известен и доподлинно установлен автор не соответствующих действительности сведений, самостоятельно распространивший диффамационные данные через информационную инфраструктуру, то в качестве ответчика по иску о распространении не соответствующих действительности порочащих текстов целесообразно указывать именно его. При этом владелец страницы в социальной сети (стримингового канала), использующий периодически указанную страницу (канал) для рас-

пространения собственного контента, презюмируется автором сведений, распространенных с помощью такой страницы (канала) [10; 11], и является надлежащим ответчиком по диффамационному иску, даже если информационный ресурс (сервис, социальная сеть), где были размещены спорные данные, фактически заблокирован [12; 13].

Однако интернет создает большое количество возможностей для размещения статей, отзывов, комментариев, видео- и аудиозаписей, фактически анонимных, по крайней мере, для их читателей, зрителей и слушателей. Тем самым возникают диффамационные казусы, в которых истцы не имеют реальной возможности установить личность автора распространенной информации, и, как следствие, определить конкретного ответчика – автора текстов по делу о распространении ложных порочащих сведений. А указывать в исковом заявлении в качестве ответчика «неустановленное лицо», а не определенного носителя субъективной юридической обязанности недопустимо [14].

При этом Верховный Суд РФ еще в 2005 г. обозначил один из способов решения указанной проблемы [1], который позднее был введен в Гражданский кодекс РФ в ходе масштабной реформы отечественного гражданского законодательства [15].

А именно: механизм признания распространенной информации не соответствующей действительности в случае невозможности установления личности автора диффамационных сведений в порядке особого производства в гражданском процессе и производства по делам об установлении юридических фактов в арбитражном процессе. Данный механизм позволяет требование о признании распространенных сведений не соответствующими действительности соединить с требованием об ограничении доступа к распространенной информации [16]. Согласно обозначенному механизму, если данные признаны судом диффамационными, владелец информационного ресурса, на котором размещены не соответствующие действительности тексты, обязан по требованию заявителя исковые сведения удалить [17].

Однако указанный механизм породил на практике большое количество проблем. В частности, процессуальной особенностью особого производства в гражданском процессе и производства по делам об установлении юридических фактов в арбитражном процессе является отсутствие спора о праве, при наличии которого дело подлежит рассмотрению в порядке искового производства. Так, в диффамационных казусах вопрос установления порочащего характера сведений находится в исключительной компетен-

ции суда, а, например, эксперт или специалист в своих заключениях не имеют права определять, являются сведения порочащими или нет. Данный аспект по своей природе порождает спор о праве. И российские суды первой инстанции зачастую оставляют без рассмотрения заявления о признании распространенных сведений не соответствующими действительности, усматривая наличие спора о праве.

Это фактически лишает пострадавших от совершенной неустановленными лицами диффамации действительной судебной защиты и последовательно пресекается судами кассационной инстанции [18–20]. В случае оставления судом без рассмотрения заявления о признании распространенной информации не соответствующей действительности и вступления принятого судебного акта в законную силу пострадавший от диффамации, в целях реализации своего права на судебную защиту, может обратиться с иском о признании распространенных сведений не соответствующими действительности и об удалении диффамационной информации, например, к администратору домена [21].

Кроме того, заявители, не предпринимая достаточных мер по установлению личности диффаматора, в ряде случаев обращаются с заявлением о признании распространенных данных не соответствующими действительности в порядке особого производства. Суды, идентифицировав распространителя спорных сведений в ходе разбирательства по делу, указывают в подобных казусах на необходимость, в целях защиты нарушенного права в установленном законом порядке, подачи иска против надлежащего ответчика [22; 23].

Между тем при невозможности установить личность диффаматора в ряде случаев иск предъявляют против распространителя диффамационных сведений – владельца информационного ресурса, на котором искомое сообщение было размещено. Как обоснованно подчеркнул Арбитражный суд Северо-Западного округа, подача иска к владельцу сайта в случае отсутствия возможности установить лицо, распространившее диффамационные сведения, не лишает истца права на судебную защиту, а отказ в удовлетворении требований такого рода по причине того, что они подлежат рассмотрению в порядке особого производства, не соответствует задачам судопроизводства [24].

Однако отечественная судебная практика относительно рассматриваемой модели защиты репутационных благ крайне неоднородна. Так, некоторые суды признают владельцев информационных ресурсов распространителями диффамационных текстов и надлежащими ответчиками по диффамационным искам [25; 26] даже в

случае опубликования сведений на сайте не собственно ответчика, а аффилированной с ним структуры [27]. Значительная же часть российских судебных правоприменителей последовательно отрицают наличие у владельцев информационных площадок каких-либо субъективных юридических обязанностей перед пострадавшими от диффамации до вынесения судебного решения о признании распространенных сведений не соответствующими действительности в порядке особого производства [28–31]. Более того, высшие российские суды считают владельцев информационных интернет-площадок надлежащими ответчиками далеко не по всем диффамационным требованиям, а, прежде всего, по требованиям о применении способов защиты репутационных благ [1; 17; 32; 33]. Просьбы же о привлечении к ответственности владельцев информационных ресурсов чаще всего признаются не основанными на законе.

Параллельно с этим очень много проблем и ошибок возникает на практике при определении надлежащего ответчика в диффамационных спорах с участием СМИ.

Например, в удовлетворении иска по делу о распространении не соответствующих действительности порочащих сведений было отказано, поскольку ответчик – владелец СМИ уже опроверг распространенную информацию [34]; истец определил ответчика – владельца СМИ слишком абстрактно [35]; иск был предъявлен к владельцу СМИ, схожего по наименованию со средством массовой информации, через которое были распространены спорные сведения [36]; автор программы со спорными данными – не указанный истцом медиахолдинг, а иное юридическое лицо [37].

Более того, в профильном обзоре судебной практики Верховный Суд РФ упомянул о том, что надлежащими ответчиками в ряде дел о защите репутационных благ являются средства массовой информации [17]. Однако средство массовой информации – не субъект права, а форма периодического распространения массовой информации, т. е. объект права, инструмент в руках физического или юридического лица [38]. Соответственно, СМИ как таковое, не обладая правосубъектностью, в принципе не может являться надлежащим ответчиком.

Таким образом, правильное определение носителя субъективных юридических обязанностей, возникших в результате распространения через средство массовой информации диффамационных данных, зачастую представляет собой непростую задачу с несколькими неизвестными.

В частности, количество играющих разные функционально обособленные роли субъектов

правоотношений по созданию и распространению массовой информации достаточно велико. Некоторые из них, например издатель СМИ и распространитель продукции СМИ, в любом случае при отсутствии у них иных ролей в правоотношениях по распространению массовой информации являются ненадлежащими ответчиками по искам, связанным с содержанием распространенных через средство массовой информации текстов. Ведь издатель СМИ и распространитель продукции СМИ (что, думается, наиболее парадоксально) не имеют возможности влиять на содержание распространяемых материалов и не могут считаться авторами или распространителями диффамационных текстов в том смысле, который вкладывает в эти понятия судебная практика в правовом институте защиты от диффамации [39].

Вместе с тем отечественный законодатель закрепил ряд оснований для освобождения от ответственности (но не от необходимости претерпевать применение способов защиты репутационных благ) субъектов распространения массовой информации [1; 17; 33; 38; 39].

Надлежащими же ответчиками в диффамационных спорах с участием СМИ, по общему правилу, являются автор распространенных сообщений и редакция средства массовой информации, через которое были распространены не соответствующие действительности порочащие тексты [1].

Так, автор распространенных сведений, в случае его правильного установления, почти всегда является надлежащим ответчиком по любому диффамационному спору. Однако диффамация по своей природе – деликт [40, с. 84]. И при привлечении к ответственности за распространение ложных порочащих сведений в субсидиарном порядке применяются правила привлечения к деликтной ответственности.

Между тем корреспонденты, редактор, создающие и распространяющие массовую информацию, часто состоят с редакцией СМИ в трудовых правоотношениях. И ответственность за вред, причиненный репутационным благам пострадавших работниками редакции средства массовой информации, думается, должен нести их работодатель.

Правда, Пленум Верховного Суда РФ вводит еще один юридически значимый критерий для подобных казусов – носитель имени, от которого была распространена диффамационная информация [1]. Это значит, что российские суды в ряде случаев признают журналистов и редакторов, состоящих в трудовых правоотношениях с редакцией СМИ, надлежащими ответчиками по диффамационным искам, если спорные тексты

были распространены от имени таких работников средства массовой информации [41–43].

Данная позиция выглядит, на наш взгляд, крайне спорной и искажающей основные принципы применения деликтной ответственности. Ведь работник априори действует при исполнении своих трудовых обязанностей в интересах, под управлением и контролем работодателя и фактически не может влиять на принятие работодателем решений о написании и публикации того или иного материала.

Кроме того, значительное число процессуальных сложностей возникает и при предъявлении диффамационного иска, основанием которого является распространение ложных порочащих сведений через средство массовой информации, к редакции средства массовой информации. В частности, истцу и суду необходимо правильно установить правосубъектное лицо, осуществляющее функции редакции средства массовой информации. Так, законодатель определил редакцию СМИ как организацию, учреждение, предприятие либо гражданина, объединение граждан, осуществляющих производство и выпуск средства массовой информации [38]. Полагаем указанную дефиницию неудачной и подлежащей изменению ввиду, во-первых, ее морального устаревания и несоответствия современной отечественной правовой системе, во-вторых, ее излишней казуистичности и недостаточной логической выверенности.

Все-таки, как уточняет Верховный Суд РФ, редакцией средства массовой информации может являться организация, гражданин либо объединение граждан. Процессуальной же правосубъектностью субъект – редакция СМИ – обладает, если она является юридическим лицом [39]. И на практике наличие у редакции средства массовой информации статуса юридического лица и, соответственно, процессуальной правосубъектности не всегда проверяется, что приводит к ошибкам в определении надлежащего ответчика [44–46].

В подобных ситуациях, при отсутствии правосубъектности у редакции средства массовой

информации, можно предъявить иск к учредителю СМИ [1; 39; 47]. Более того, учредитель средства массовой информации выступает надлежащим ответчиком по диффамационному иску и тогда, когда материал через СМИ был опубликован по его указанию и от его имени [33; 39]. Позиции же в судебной практике о надлежащем ответчике по иску, основанием которого выступает распространение ложных порочащих сведений через средство массовой информации, когда учредителем СМИ к моменту предъявления иска стало иное лицо, разнятся [48; 49]. Но в любом случае необходимо учитывать характер причинной связи между действиями учредителя и возникшей спорной ситуацией по поводу опубликования определенных материалов в средстве массовой информации [50].

В совокупности с этим надлежащим ответчиком по диффамационным искам с участием СМИ является и физическое или юридическое лицо – источник распространенного текста [1; 44].

Итак, подводя итоги, можно утверждать о том, что проблема определения надлежащего ответчика в делах о защите репутационных благ в гражданском и арбитражном процессах очень актуальна и не имеет однозначного решения в российской судебной практике. Перед подачей искового заявления по интернет-диффамации и диффамационным казусам, связанным со СМИ, заявителям нужно провести внимательную, последовательную и трудозатратную работу по анализу сложившихся правоотношений, установлению личности и определению статуса потенциальных диффаматоров во избежание оставления искового заявления без удовлетворения исключительно по причине предъявления иска против ненадлежащего ответчика. Кроме того, необходимо учитывать, что, несмотря на зачастую солидарный характер причинения вреда при распространении не соответствующих действительности порочащих сведений, перспектива успеха в диффамационном процессе против разных категорий ответчиков на практике разнится и зависит от ряда условий.

Список литературы

1. О судебной практике по делам о защите чести и достоинства граждан, а также деловой репутации граждан и юридических лиц : постановление Пленума Верховного Суда РФ от 24 февр. 2005 г. № 3 (в ред. от 09.12.2025) // КонсультантПлюс : справочная правовая система.
2. Дунаева Е. Д. Значимость искового производства в судебной системе Российской Федерации // Вестник магистратуры. 2021. № 5-1 (116). С. 48–51.
3. Гаджиалиева Н. Ш. Состав лиц, участвующих в делах о защите чести, достоинства и деловой репутации // Вестник Дагестанского государственного университета. Серия 3, Общественные науки. 2016. № 4. С. 112–115.
4. Курас Т. Л. Принцип диспозитивности в российском гражданском процессе: современные и исторические аспекты // Сибирский юридический вестник. 2022. № 3 (98). С. 69–77.
5. Постановление Арбитражного суда Восточно-Сибирского округа № Ф02-168/2023 от 15 февр. 2023 г. по делу № А58-1505/2022 // КонсультантПлюс : справочная правовая система.

6. Определение Седьмого кассационного суда общей юрисдикции от 27 янв. 2022 г. № 88-838/2022 // КонсультантПлюс : справочная правовая система.
7. Определение Четвертого кассационного суда общей юрисдикции от 10 дек. 2019 г. по делу № 88-598/2019 // КонсультантПлюс : справочная правовая система.
8. Постановление Арбитражного суда Центрального округа № Ф10-859/2018 от 21 марта 2018 г. по делу № А14-11745/2016 // КонсультантПлюс : справочная правовая система.
9. Постановление Арбитражного суда Московского округа № Ф05-4669/2023 от 3 апр. 2023 г. по делу № А40-153505/2022 // КонсультантПлюс : справочная правовая система.
10. Определение Восьмого кассационного суда общей юрисдикции от 21 сент. 2021 г. № 88-15923/2021 // КонсультантПлюс : справочная правовая система.
11. Определение Восьмого кассационного суда общей юрисдикции № 88-10411/2023 от 4 июля 2023 г. по делу № 2-23/2022 // КонсультантПлюс : справочная правовая система.
12. Постановление Арбитражного суда Дальневосточного округа № Ф03-2932/2025 от 3 дек. 2025 г. по делу № А51-15640/2024 // КонсультантПлюс : справочная правовая система.
13. Определение Девятого кассационного суда общей юрисдикции № 88-1341/2024 от 29 февр. 2024 г. по делу № 2-1050/2023 // КонсультантПлюс : справочная правовая система.
14. Определение Шестого кассационного суда общей юрисдикции от 29 авг. 2023 г. № 88-19411/2023 // КонсультантПлюс : справочная правовая система.
15. О внесении изменений в подраздел 3 раздела I части первой Гражданского кодекса Российской Федерации : федер. закон от 2 июля 2013 года № 142-ФЗ // Собр. законодательства РФ. 2013. № 27. Ст. 3434.
16. Постановление Арбитражного суда Западно-Сибирского округа № Ф04-328/2025 от 27 февр. 2025 г. по делу № А67-4540/2024 // КонсультантПлюс : справочная правовая система.
17. Обзор практики рассмотрения судами дел по спорам о защите чести, достоинства и деловой репутации : утв. Президиумом Верховного Суда РФ 16 марта 2016 г. // Бюллетень Верховного Суда РФ. 2016. № 10.
18. Определение Седьмого кассационного суда общей юрисдикции от 28 сент. 2021 г. № 88-14611/2021 // КонсультантПлюс : справочная правовая система.
19. Определение Четвертого кассационного суда общей юрисдикции от 30 окт. 2020 г. по делу № 88-21892/2020 // КонсультантПлюс : справочная правовая система.
20. Определение Второго кассационного суда общей юрисдикции № 88-2393/2021 от 25 янв. 2021 г. по делу № 2-1685/2020 // КонсультантПлюс : справочная правовая система.
21. Постановление Арбитражного суда Центрального округа № Ф10-4536/2024 от 3 дек. 2024 г. по делу № А68-4283/2023 // КонсультантПлюс : справочная правовая система.
22. Определение Первого кассационного суда общей юрисдикции № 88-5419/2021 от 25 марта 2021 г. по делу № 2-1551/2020 // КонсультантПлюс : справочная правовая система.
23. Определение Первого кассационного суда общей юрисдикции от 8 дек. 2022 г. № 88-32595/2022 // КонсультантПлюс : справочная правовая система.
24. Постановление Арбитражного суда Северо-Западного округа № Ф07-18733/2023 от 22 дек. 2023 г. по делу № А56-90539/2022 // КонсультантПлюс : справочная правовая система.
25. Определение Первого кассационного суда общей юрисдикции от 9 окт. 2025 г. № 88-23737/2025 // КонсультантПлюс : справочная правовая система.
26. Постановление Седьмого арбитражного апелляционного суда № 07АП-8986/2023 от 16 янв. 2024 г. по делу № А45-37871/2022 // КонсультантПлюс : справочная правовая система.
27. Постановление Арбитражного суда Дальневосточного округа № Ф03-2152/2024 от 31 мая 2024 г. по делу № А51-12440/2023 // КонсультантПлюс : справочная правовая система.
28. Постановление Арбитражного суда Восточно-Сибирского округа № Ф02-7786/2015 от 4 марта 2016 г. по делу № А33-873/2015 // КонсультантПлюс : справочная правовая система.
29. Определение Восьмого кассационного суда общей юрисдикции № 88-20602/2023 от 5 окт. 2023 г. по делу № 2-4961/2022 // КонсультантПлюс : справочная правовая система.
30. Постановление Арбитражного суда Северо-Западного округа № Ф07-5248/2025 от 30 июня 2025 г. по делу № А56-54829/2024 // КонсультантПлюс : справочная правовая система.
31. Постановление Арбитражного суда Северо-Западного округа № Ф07-4194/2021 от 26 мая 2021 г. по делу № А56-1289/2020 // КонсультантПлюс : справочная правовая система.
32. По делу о проверке конституционности положений пунктов 1, 5 и 6 статьи 152 Гражданского кодекса Российской Федерации в связи с жалобой гражданина Е. В. Крылова : постановление Конституционного Суда РФ от 9 июля 2013 г. № 18-П // КонсультантПлюс : справочная правовая система.
33. Обзор практики разрешения арбитражными судами споров, связанных с защитой деловой репутации : информ. письмо Президиума Высшего Арбитражного Суда РФ от 23 сент. 1999 г. № 46 // КонсультантПлюс : справочная правовая система.
34. Определение Верховного Суда России № 308-ЭС19-13547 от 13 авг. 2019 г. по делу № А32-16627/2018 // КонсультантПлюс : справочная правовая система.
35. Постановление Арбитражного суда Уральского округа № Ф09-5073/25 от 4 февр. 2026 г. по делу № А60-35220/2024 // КонсультантПлюс : справочная правовая система.
36. Постановление Арбитражного суда Московского округа № Ф05-20174/2017 от 17 янв. 2018 г. по делу № А40-193722/2016 // КонсультантПлюс : справочная правовая система.

37. Постановление Арбитражного суда Западно-Сибирского округа № Ф04-6592/2019 от 24 дек. 2019 г. по делу № А27-29363/2018 // КонсультантПлюс : справочная правовая система.
38. О средствах массовой информации : закон РФ от 27 дек. 1991 г. № 2124-1 (в ред. от 23 нояб. 2024 г.) // Российская газета. 1992. 8 февр.
39. О практике применения судами Закона Российской Федерации «О средствах массовой информации» : постановление Пленума Верховного Суда РФ от 15 июня 2010 г. № 16 (в ред. от 09.02.2012) // КонсультантПлюс : справочная правовая система.
40. Парыгина Н. Н. Категории злоупотребления правом и противоречивого поведения в контексте диффамационных споров // Актуальные проблемы российского права. 2025. № 5 (174). С. 81–90.
41. Решение Арбитражного суда Курганской области от 5 июня 2023 г. по делу № А34-14537/2022 // КонсультантПлюс : справочная правовая система.
42. Апелляционное определение Красноярского краевого суда от 24 янв. 2024 г. по делу № 33-162/2024 // КонсультантПлюс : справочная правовая система.
43. Постановление Арбитражного суда Уральского округа № Ф09-3799/22 от 7 июля 2022 г. по делу № А60-43957/2021 // КонсультантПлюс : справочная правовая система.
44. Определение Судебной коллегии по гражданским делам Верховного Суда Российской Федерации от 26 янв. 2021 г. № 69-КГ20-22-К7 // КонсультантПлюс : справочная правовая система.
45. Постановление ФАС Северо-Кавказского округа от 4 окт. 2012 г. по делу № А15-2548/2011 // КонсультантПлюс : справочная правовая система.
46. Определение Шестого кассационного суда общей юрисдикции от 16 марта 2020 г. по делу № 88-5827/2020 // КонсультантПлюс : справочная правовая система.
47. Постановление Девятнадцатого арбитражного апелляционного суда № 19АП-2198/2025 от 8 июля 2025 г. по делу № А64-6815/2024 // КонсультантПлюс : справочная правовая система.
48. Апелляционное определение Омского областного суда от 3 дек. 2025 г. по делу № 33-7299/2025 // КонсультантПлюс : справочная правовая система.
49. Определение Первого кассационного суда общей юрисдикции от 30 нояб. 2022 г. № 88-25710/2022 // КонсультантПлюс : справочная правовая система.
50. Определение Пятого кассационного суда общей юрисдикции от 14 апр. 2021 г. № 88-1423/2021 // КонсультантПлюс : справочная правовая система.

Актуальные проблемы квалификации незаконного оборота оружия

© Очиров А. Н., 2026

А. Н. Очиров

Магистрант 2-го года обучения, Юридический институт, Иркутский государственный университет, e-mail: ochirov.arsalan2019@yandex.ru

Научный руководитель:

Р. А. Забавко, кандидат юридических наук, доцент, доцент кафедры уголовного права, Юридический институт, Иркутский государственный университет, e-mail: zrairk@gmail.com

Аннотация. Исследуются проблемы уголовно-правовой квалификации преступлений, связанных с незаконным оборотом оружия. Обосновывается высокая общественная опасность нелегального оборота оружия, обусловленная его связью с террористической деятельностью, организованной преступностью и актами вооруженного насилия, включая скулшутинг. Особое внимание уделяется вопросам разграничения смежных составов преступлений, а также проблемам квалификации деяний, связанных с оборотом боеприпасов, взрывчатых веществ и взрывных устройств. Анализируется судебно-следственная практика, выявляются типичные ошибки правоприменения, в том числе при оценке предмета преступления и альтернативных действий. Делается вывод о необходимости совершенствования подходов к квалификации указанных деяний в целях повышения эффективности противодействия преступлениям в данной сфере.

Ключевые слова: незаконный оборот оружия, террористические акты, скулшутинг, огнестрельное оружие, боеприпасы, взрывные устройства, малозначительность деяния, добровольная сдача.

Незаконный оборот оружия в современных условиях представляет собой значительную угрозу общественной безопасности, поскольку напрямую связан с совершением тяжких и особо тяжких преступлений насильственной направленности. Доступ к огнестрельному оружию зачастую становится определяющим фактором, влияющим на принятие решения о совершении преступлений, таких как убийства, разбои и террористические акты, поскольку его наличие существенно облегчает реализацию преступного умысла и увеличивает вероятность наступления опасных последствий.

Вместе с тем оружие, добытое незаконным путем, становится инструментом в руках организованных преступных группировок, что, безусловно, представляет огромную угрозу для общества, потому как наличие огнестрельного оружия повышает организованность и боеспособность членов таких группировок.

Одной из наиболее опасных реалий современного мира становится усиление угрозы международного терроризма. Распространение экстремистской идеологии и активность террористических структур в целом ряде регионов (в первую очередь на Ближнем Востоке и в Северной Африке), обусловленные как обнажившимися на фоне процессов глобализации системными проблемами развития, так и в значительной степени внешним вмешательством, в совокупности привели к разрушению традиционных механизмов государственного управления и обеспечения безопасности, увеличению масштабов незаконного распространения оружия и боеприпасов. Навязываемые извне идеологические

ценности и рецепты модернизации политической системы государств усилили негативную реакцию общества на вызовы современности. Эти тенденции используются экстремистскими силами, которые, опираясь, в частности, на искаженное толкование религиозных ценностей, призывают к применению насильственных методов для достижения своих целей в политическом, межнациональном и межрелигиозном соперничестве [1].

Незаконный оборот оружия является подготовительным элементом и способствует совершению наиболее тяжких преступлений, таких как террористические акты (теракты). Один из самых трагических и резонансных примеров преступлений террористического характера – крупнейший теракт в истории России, произошедший 22 марта 2024 г. в концертном комплексе «Крокус Сити Холл», в ходе которого погиб 151 чел. (значительная часть жертв скончалась от огнестрельных ранений), а также 609 чел. получили ранения различной степени тяжести. Так, четверо террористов, вооруженных автоматами Калашникова и огромным количеством боеприпасов, устроили массовую стрельбу по людям в здании делового центра. Оружие у них находилось нелегально. По данным следствия, часть фигурантов теракта на постоянной основе осуществляли переделку огнестрельного оружия и передавали его членам террористической организации. После этого оно было перевезено в г. Каспийск, откуда и было доставлено в Московский регион непосредственно перед самим терактом. Данный случай наглядно демонстрирует высокую степень общественной опасности неза-

конного оборота оружия, ставшего инструментом реализации теракта, который, в свою очередь, был направлен на устрашение населения и дестабилизацию общественной безопасности, а также причинение значительного вреда жизни и здоровью граждан. Оружие было передано террористам за денежное вознаграждение, что свидетельствует о существовании устойчивых каналов его незаконного оборота.

Вторым Западным окружным военным судом 12 марта 2026 г. был вынесен приговор 19 исполнителям и пособникам теракта за совершение террористического акта (ч. 3 ст. 205 УК РФ), прохождение обучения в целях осуществления террористической деятельности (ст. 205.3 УК РФ), участие в деятельности террористической организации (ч. 2 ст. 205.5 УК РФ), а также за незаконный оборот оружия (ч. 4, 6 ст. 222 УК РФ). 15 из них приговорены к пожизненному лишению свободы. По числу пожизненных сроков этот приговор стал самым суровым в современной российской истории, опередив вердикт за теракт на Крымском мосту с восемью пожизненными [2].

Помимо прочего, в настоящее время одной из наиболее острых и актуальных проблем общества являются акты вооруженного нападения в образовательных учреждениях (так называемый феномен скулшутинга). Скулшутинг предполагает стрельбу с применением оружия, нередко добытого незаконным путем, а потому представляет собой повышенную общественную опасность и вместе с тем устрашает общество, поскольку жертвами таких актов вооруженных нападений являются малолетние учащиеся школ, что вызывает страх у граждан за безопасность своих детей. Показательным является трагический случай, произошедший 26 сентября 2022 г. в МБОУ СОШ № 88 г. Ижевска. Выпускник данного учебного заведения Казанцев А. И. совершил вооруженное нападение, применив два травматических пистолета, переделанных кустарным способом для стрельбы боевыми патронами. В результате его действий погибло 17 человек, еще 24 получили ранения различной степени тяжести, при этом большинство пострадавших составили дети в возрасте от 7 до 15 лет [3]. Следует подчеркнуть, что данное оружие находилось у него незаконно. Предусмотренная законодательством лицензия на огнестрельное оружие ограниченного поражения у него отсутствовала и на учете в Росгвардии как владелец оружия он не состоял [4].

Анализ правоприменительной практики показывает, что значительные трудности возникают при уголовно-правовой квалификации деяний. В частности, актуальной проблемой является разграничение схожих составов преступлений.

По статистическим данным Главного информационно-аналитического Центра МВД России, за 2025 г. в России было зарегистрировано 16 364 преступлений, связанных с незаконным оборотом оружия, в том числе 9202 по ст. 222 УК РФ и 2980 по ст. 223 УК РФ [5].

Важное значение в противодействии преступлениям в сфере незаконного оборота оружия имеет совершенствование правоприменительной практики, прежде всего в части правильной уголовно-правовой квалификации совершенных преступлений в этой сфере.

Помимо этого, незаконное изготовление оружия приобретает особую опасность, потому как оружие, произведенное нелегально, зачастую оказывается в руках лиц, использующих его в криминальных целях, включая вооруженные нападения, террористические акты, акты насилия, что создает угрозу жизни и здоровью граждан, а также безопасности общества в целом. Экономические и социальные условия, включая доступность технологий для самостоятельного изготовления оружия, усиливают распространение данного явления. С развитием технологий, таких как 3D-печать, и легким доступом к схемам изготовления оружия в интернете вопрос противодействия незаконному изготовлению приобретает новые грани.

Федеральным законом от 24 ноября 2014 г. № 370-ФЗ «О внесении изменений в Уголовный кодекс Российской Федерации и отдельные законодательные акты Российской Федерации» (далее – федеральный закон от 24 ноября 2014 г. № 370-ФЗ) [6] УК РФ был дополнен двумя новыми статьями: ст. 222.1 (незаконные приобретение, передача, сбыт, хранение, перевозка или ношение взрывчатых веществ или взрывных устройств), ст. 223.1 (незаконное изготовление взрывчатых веществ, незаконное изготовление, переделка или ремонт взрывных устройств). То есть незаконные деяния, совершаемые со взрывчатыми веществами и взрывными устройствами, были выделены в самостоятельные составы преступлений, а вместе с тем была ужесточена ответственность за их совершение путем повышения верхнего предела наказания, а также снижения возраста уголовной ответственности с 16 до 14 лет.

Вместе с тем в судебно-следственной практике с применением новых принятых норм возникли определенные трудности. Так, в частности, такие предметы, как ручные гранаты, в одних случаях оценивались как взрывные устройства, в других же – как боеприпасы, согласно п. 4 постановления Пленума Верховного Суда РФ от 12 марта 2002 г. № 5 «О судебной практике по делам о хищении, вымогательстве и незаконном обороте оружия, боеприпасов, взрывчатых ве-

ществ и взрывных устройств» [17]. Так, приговором Ставропольского краевого суда по делу № 2-15/18 от 5 июля 2018 года Прохоренко Р. С. был осужден по ч. 1 ст. 222, ч. 1 ст. 222.1 и ст. 317 УК РФ [7]. Он был признан виновным в незаконном хранении боеприпасов, незаконном хранении взрывных устройств, а также в посягательстве на жизнь сотрудников правоохранительного органа. Подсудимый хранил 94 штатных патронов к оружию калибра 5,45 мм, автоматам (АК-74, АК-СУ), а также боевую ручную гранату РГ-42 по месту своего проживания, а затем в огороде и гараже домовладения. В данном случае суд квалифицировал боевую ручную гранату РГД-5 как взрывное устройство, а не как боеприпас. Апелляционным определением Судебной коллегии по уголовным делам Верховного Суда РФ от 7 февраля 2019 г. № 19-АПУ19-2СП приговор в отношении Прохоренко Р. С. был оставлен без изменения [8].

Актуальным также является разграничение боеприпасов со взрывными устройствами и взрывчатыми веществами.

Проблема разграничения в том, что ручные противопехотные гранаты (например, РГД-5 или Ф-1), как и остальные предметы, состоят на вооружении именно как боеприпасы, но по своему функциональному назначению представляют собой взрывные устройства. С точки же зрения криминалистики ручная граната – это взрывное устройство. Так, в частности, А. А. Койсин считает, что взрывное устройство – это техническое устройство одноразового применения, обладающее способностью взрываться, специально предназначенное (изготовленное) для поражения людей или уничтожения (повреждения) различного рода объектов и состоящее из заряда взрывчатого вещества, объединенного со средством взрыва [9]. А гранаты РГД-5 и Ф-1 относятся к взрывным устройствам осколочного действия.

Так, артиллерийская мина, предназначенная для использования в составе минометного вооружения, изначально относится к категории боеприпасов. Однако в случае ее приспособления для иных целей, например, путем изменения конструкции взрывателя либо размещения в грунте для срабатывания при воздействии она фактически приобретает признаки взрывного устройства. Это обусловлено тем, что подобный объект содержит заряд взрывчатого вещества и предназначен для осуществления взрыва с поражающим эффектом. Не исключена возможность использования артиллерийской мины в качестве ручной гранаты путем выдергивания чеки и взведения ударом о твердый предмет для приведения ее в боевое положение с дальнейшим метанием.

Также выстрел осколочный гранатометный – 25-й модели (ВОГ-25), являющийся боеприпасом к подствольному гранатомету (например, ГП-25 «Костер»), представляет собой осколочную гранату и заряд взрывчатого вещества (пороховой заряд) в гильзе с ввинченным в головной части корпуса взрывателем. Так, например, приговором Валуйского районного суда Белгородской области по делу № 1-6/2023 от 7 февраля 2023 г. Михайлов Д. А. был привлечен к уголовной ответственности по ч. 1 ст. 222, ч. 1 ст. 222.1 и ч. 1 ст. 222.2 УК РФ [10]. Михайлов Д. А., будучи сотрудником полиции, незаконно приобрел у неустановленного лица автомат Калашникова (АК-74М) 5,45 мм, 28 патронов калибра 5,45×39, а также пригодный к стрельбе выстрел ВОГ-25, являющийся взрывным устройством, и подствольный гранатомет ГП-25 «Костер». В данном случае ВОГ-25 расценивается как взрывное устройство, функционально предназначенное для производства взрыва и способное к взрыву.

В судебно-следственной практике возникают проблемы разграничения альтернативных деяний в рамках ст. 222 УК РФ, таких как перевозка и ношение оружия. Так, приговором Бийского городского суда Алтайского края по делу № 1-83/2023 от 21 июня 2023 г. Бильный А. В. был привлечен к уголовной ответственности по ч. 1 ст. 222, ч. 2 ст. 222, ч. 7 ст. 222 УК РФ [11]. Согласно материалам дела, он незаконно хранил непосредственно при себе, а также в находящемся в его пользовании автомобиле «КИА-Рио» обрез, скомплектованный из одноствольных, гладкоствольных, неавтоматических, охотничьих ружей модели «ЗК» 16-го калибра, с укороченным стволом до остаточной длины 306 мм и удаленной частью ложа (приклада), и два патрона, пригодных для производства выстрела и являющихся боеприпасами 16-го калибра. Однако кассационным определением Восьмого кассационного суда общей юрисдикции по делу № 77-1357/2024 от 18 апреля 2024 г. было исключено из осуждения Билого А. В. по ч. 1 ст. 222 УК РФ указание на незаконное хранение огнестрельного оружия, потому как незаконное перемещение с использованием транспортного средства правильно квалифицировано как незаконная перевозка, и дополнительной квалификации как незаконное хранение в автомобиле оружия (в то же время и при тех же обстоятельствах) не требуется, поскольку вмененный осужденному период незаконного хранения огнестрельного оружия совпадает с периодом его незаконной перевозки.

Диспозиции ст. 222 и 223 УК РФ не содержат указаний на количественные характеристики предметов преступления, что на практике допускает признание отдельных деяний малозначительными в соответствии со ст. 14 УК РФ.

Так, определением Верховного Суда кассационной инстанции по делу № 47-УД25-7-К6 от 19 августа 2025 г. [12] был отменен приговор Бугурусланского районного суда Оренбургской области в отношении Быкова В. Н. Ранее он был осужден по ч. 1 ст. 222 УК РФ за незаконное хранение и ношение боеприпасов. Так, Быков В. Н. обнаружил 6 патронов калибра 7,62×39 мм, забрал себе и стал хранить по месту своего проживания в ящике для оружия вместе с другими патронами.

В ходе рассмотрения дела судом было установлено, что боеприпасы хранились в условиях, исключающих доступ посторонних лиц, их количество было незначительным, а сам Быков имел действующие лицензии на хранение и ношение гражданского оружия, полученные после прохождения необходимой подготовки. Кроме того, он на протяжении длительного времени (более 25 лет) законно владел оружием и не допускал нарушений, связанных с его использованием.

Суд указал, что при оценке общественной опасности деяния необходимо учитывать совокупность обстоятельств, включая мотивы поведения лица, способ получения предметов, их характеристики и иные факторы. В рассматриваемом случае отсутствовали данные о намерении использовать боеприпасы в противоправных целях. С учетом случайного характера их обнаружения, незначительного количества и условий хранения суд пришел к выводу об отсутствии общественной опасности как обязательного признака преступления.

В судебной-следственной практике также возникают проблемы, связанные с институтом добровольной сдачи оружия, основных его частей и боеприпасов к нему. Согласно примечанию к ст. 222 УК РФ и п. 19 постановления Пленума Верховного Суда РФ от 12 марта 2002 г. № 5 «О судебной практике по делам о хищении, вымогательстве и незаконном обороте оружия, боеприпасов, взрывчатых веществ и взрывных устройств», под добровольной сдачей оружия понимается его выдача лицом по собственной воле при наличии возможности дальнейшего хранения этого предмета, т. е. когда лицо может продолжать хранить оружие и его сдача не является вынужденной для него мерой.

Так, приговором Матвеево-Курганского районного суда Ростовской области от 19 сентября 2023 г. Кочерга Р. А. был осужден по ч. 1 ст. 222 УК РФ за незаконное приобретение и перевозку боеприпасов. Доводы Кочерги Р. А. о добровольности сдачи им боеприпасов суд признал несостоятельными, поскольку боеприпасы были изъяты у него в ходе проведения оперативно-разыскных мероприятий, направленных на их поиск, а также не имелось оснований счи-

тать, что данные боеприпасы были сданы осужденным добровольно. Так, кассационным постановлением Четвертого кассационного суда общей юрисдикции по делу № 77-28/2025 от 23 января 2025 г. [13] вышеупомянутый приговор в части применения примечания к ст. 222 УК РФ был оставлен без изменений.

В качестве еще одного примера мы можем обратиться к приговору Таштагольского городского суда Кемеровской области от 17 апреля 2024 г., согласно которому Народов В. А. был осужден по ч. 1 ст. 222 УК РФ. Жалоба осужденного Народова В. А. кассационным определением Восьмого кассационного суда общей юрисдикции по делу № 77-141/2025 от 14 января 2025 г. [14] была оставлена без удовлетворения, поскольку патроны и порох были изъяты у него в результате оперативно-разыскных мероприятий, основанием для проведения которых послужила информация о незаконном хранении указанных предметов осужденным по месту своего жительства, а потому выдача Народовым В. А. боеприпасов и взрывчатого вещества не могла признаваться добровольной.

Федеральным законом от 1 июля 2021 г. № 281-ФЗ «О внесении изменений в Уголовный кодекс Российской Федерации и Уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации» [15] ст. 222 УК РФ была дополнена еще одним деянием – незаконной пересылкой оружия. Однако в отличие от приобретения, передачи, сбыта, хранения, перевозки и ношения пересылка не имеет закрепления дефиниции понятия. Поэтому считаем необходимым закрепить на законодательном уровне в положениях постановления Пленума Верховного Суда РФ от 12 марта 2002 г. № 5 «О судебной практике по делам о хищении, вымогательстве и незаконном обороте оружия, боеприпасов, взрывчатых веществ и взрывных устройств» следующую дефиницию: незаконная пересылка огнестрельного оружия, его основных частей и боеприпасов к нему – это действия лица, направленные на перемещение огнестрельного оружия, его основных частей и боеприпасов к нему адресату (например, в почтовых отправлениях, посылках, багаже с использованием средств почтовой связи, воздушного или другого вида транспорта, а также с нарочным при отсутствии осведомленности последнего о реально перемещаемом объекте или его створе с отправителем), когда эти действия по перемещению осуществляются без непосредственного участия отправителя. При этом окончательным следует считать преступление с момента отправления письма (посылки, багажа и т. п.) с содержащимися в нем указанными средствами, независимо от получения их адресатом.

Подводя итоги, мы приходим к выводу, что незаконный оборот оружия в настоящее время способствует совершению наиболее тяжких преступлений насильственного характера. Поскольку оружие представляет собой опасный предмет, значительно увеличивающий физические и мускульные возможности человека, конструктивно предназначенный для поражения живой цели, разрушения предметов материального мира, его применение существенно облегчает совершение этих преступлений, создающих огромную угрозу общественной безопасности.

Современное развитие преступности оказывает заметное влияние на масштабы незаконного оборота оружия. Транснациональный характер преступной деятельности, расширение нелегальных каналов сбыта, высокая прибыльность подобных операций, а также усложнение организационной структуры террористических групп, активно использующих оружие для достижения своих целей [16], в совокупности формируют устойчивую угрозу как общественной, так и государственной безопасности.

Список литературы

1. Об утверждении Концепции внешней политики Российской Федерации : указ Президента РФ от 30 нояб. 2016 г. № 640 // Гарант. URL: <https://www.garant.ru/products/ipo/prime/doc/71452062/> (дата обращения: 11.04.2026).
2. Приговор по делу о теракте в «Крокусе». К пожизненному сроку приговорили 15 обвиняемых // ТАСС : информ. агентство России. URL : <https://tass.ru/proisshestviya/26735523> (дата обращения: 11.04.2026).
3. У напавшего на школу в Ижевске были переделанные травматические пистолеты // ТАСС : информ. агентство России. URL: <https://tass.ru/proisshestviya/15867519> (дата обращения: 11.04.2026).
4. Напавший на школу в Ижевске не стоял на учете в Росгвардии как владелец оружия // ТАСС : информ. агентство России. URL: <https://tass.ru/proisshestviya/15869939> (дата обращения: 11.04.2026).
5. Состояние преступности в России за январь – декабрь 2025 года // МВД РФ ФКУ «Главный информационно-аналитический центр». URL: <https://мвд.рф/reports/item/77848182/> (дата обращения: 11.04.2026).
6. О внесении изменений в Уголовный кодекс Российской Федерации : федер. закон от 24 ноября 2014 г. № 370-ФЗ // Гарант : справочная правовая система.
7. Приговор Ставропольского краевого суда от 5 июля 2018 г. URL: https://kraevoy-stv.sudrf.ru/modules.php?name=sud_delo&srv_num=2&name_op=case&case_id=43812497&case_uid=6ebb599a-3859-49d4-b6f6-1f517ddf0c3c&delo_id=1540006&new= (дата обращения: 11.04.2026).
8. Апелляционное определение Судебной коллегии по уголовным делам Верховного Суда РФ от 7 февр. 2019 г. URL: <https://legalacts.ru/sud/apeliatsionnoe-opredelenie-verkhovnogo-suda-rf-ot-07022019-n-19-apu19-2sp/> (дата обращения: 11.04.2026).
9. Койсин А. А. Методика расследования отдельных видов преступлений: учеб. пособие. Иркутск : Изд-во ИГУ, 2016. 132 с.
10. Приговор Валуйского районного суда Белгородской области от 7 февраля 2023 г. URL: https://valuiskey-blg.sudrf.ru/modules.php?name=sud_delo&srv_num=1&name_op=case&case_id=258000919&case_uid=4980cd66-ce9a-408f-a702-90a9ff3dcbc1&delo_id=1540006&new= (дата обращения: 11.04.2026).
11. Приговор Бийского городского суда Алтайского края от 21 июня 2023 г. URL: https://biyskygor-alt.sudrf.ru/modules.php?name=sud_delo&srv_num=1&name_op=case&case_id=50068934&case_uid=be9f0311-8711-4986-b63a-314b9852728f&delo_id=1540006&new= (дата обращения: 11.04.2026).
12. Определение Верховного Суда кассационной инстанции от 19 авг. 2025 г. по делу № 47-УД25-7-К6. URL: <https://legalacts.ru/sud/opredelenie-sudebnoi-kollegii-po-ugolovnym-delam-verkhovnogo-suda-rossiiskoi-federatsii-ot-19082025-n-47-ud25-7-k6/> (дата обращения: 11.04.2026).
13. Кассационное постановление Четвертого кассационного суда общей юрисдикции от 23 янв. 2025 г. по делу № 77-28/2025. URL: https://4kas.sudrf.ru/modules.php?name=sud_delo&srv_num=1&name_op=case&case_id=35445813&case_uid=c45af675-1252-417b-a185-8a588e4d9453&new=2450001&delo_id=2450001 (дата обращения: 11.04.2026).
14. Кассационное определение Восьмого кассационного суда общей юрисдикции от 14 января 2025 по делу № 77-141/2025. URL: https://8kas.sudrf.ru/modules.php?name=sud_delo&srv_num=1&name_op=case&case_id=40082051&case_uid=949da740-be92-46db-bba3-fa4b46e268c1&delo_id=2450001&new=2450001 (дата обращения: 11.04.2026).
15. О внесении изменений в Уголовный кодекс Российской Федерации и Уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации : федер. закон от 1 июля 2021 г. № 281-ФЗ // Гарант : справочная правовая система.
16. Мондохонов А. Н. Цель организации незаконного вооруженного формирования // Сибирский юридический вестник. 2010. № 4 (51). С. 96–99.
17. О судебной практике по делам о хищении, вымогательстве и незаконном обороте оружия, боеприпасов, взрывчатых веществ и взрывных устройств : постановление Пленума Верховного Суда РФ от 12 марта 2002 г. № 5 // Бюллетень Верховного Суда РФ. 2002. № 5.

Криминалистическая характеристика расследования преступлений по ст. 126 УК РФ

© Папаева А. Б., 2026

А. Б. Папаева

Магистрант 2-го курса, Юридический институт, Иркутский государственный университет, e-mail: ailanapapaeva7@mail.ru

Научный руководитель:

Е. В. Шишмарева, кандидат юридических наук, доцент, доцент кафедры судебного права, Юридический институт, Иркутский государственный университет, e-mail: chaly@bk.ru

Аннотация. Анализируется криминалистическая характеристика преступления, предусмотренного ст. 126 УК РФ. На основе изучения судебной практики и официальной статистики выделяются современные тенденции и закономерности совершения похищения человека. Особое внимание уделяется исследованию типичных способов совершения и сокрытия преступления, особенностей подготовки и планирования, наиболее распространенных мест захвата и удержания жертв, а также личностных характеристик злоумышленников.

Ключевые слова: криминалистическая характеристика, похищение человека, способ совершения преступления, удержание жертвы.

По существу, криминалистическая характеристика – это набор типичных признаков преступления, которые помогают понять, где искать следы и что вообще могло произойти. Применительно к похищению человека такая характеристика строится из нескольких составляющих: самого объекта похищения, места и времени события, обстановки – всего того, что при разборе конкретных уголовных дел воспроизводится с определенной регулярностью. Кроме того, структуру криминалистической характеристики составляют механизм следообразования, способ подготовки и сокрытия, личность преступника с ее возрастными, психологическими и иными особенностями, мотивы, поведение потерпевшего, связи с другими преступлениями, последствия. Между всеми этими элементами существуют закономерные связи, и именно в их выявлении состоит практический смысл всей конструкции.

Само понятие «похищение человека» включает в себя умышленные противоправные действия, сопряженные с открытым или тайным захватом человека, когда жертву силой вырывают из привычной среды. Часто такие преступления совершаются путем обмана: жертву куда-то зовут, в чем-то убеждают, и только потом ситуация разворачивается иначе. Состав преступления включает три ключевых момента: 1) насильственное перемещение из места нахождения или проживания, 2) принудительное удержание вопреки воле лица и 3) незаконные действия, цель которых – добиться от похищенного нужного поведения или выполнения требований [4, с. 18].

Что касается абсолютных показателей рассматриваемого вида преступности, то следует отметить, что официальный максимум (1554

случая) был зарегистрирован в 1999 г. Но что стоит за официальными цифрами – вопрос открытый, поскольку латентность у этого вида преступлений очень высокая. Оценки расходятся, однако, по неофициальным данным, в полицию попадает не более 10–15 % рассматриваемых криминальных деяний. Остальные преступления остаются скрытыми от официальной статистики. На этом фоне рост похищений человека, зафиксированный в 2015–2024 гг., можно считать крайне негативной тенденцией, определяющей важность исследования данной категории преступных деяний (табл. 1).

Таблица 1
Численность преступлений, предусмотренных ст. 126 УК РФ, за 2015–2024 гг. [9].

Год	Число преступлений
2015	623
2016	592
2017	604
2018	662
2019	624
2020	633
2021	662
2022	680
2023	655
2024	729

Следует отметить, что процесс раскрытия и расследования данной группы преступлений, сопряжен с целым рядом проблем, в том числе связанных с процессом доказывания. Так, непростой задачей является установление субъективной стороны – умысла, конкретной направленности криминального деяния. Разграничение со смежными составами тоже дается нелегко: внешне похожие деяния могут быть квалифицированы как разные преступления. Все это обу-

словлено тем, что похищение человека почти всегда идет в связке с иными насильственными действиями, и в результате элементы разных составов перекрываются и процесс квалификации усложняется. К тому же все это усугубляется отсутствием единообразия в практике применения ст. 126 УК РФ.

Следует отметить, что превалирующим мотивом совершения рассматриваемых преступлений является корысть. Так, около 80 % всех зарегистрированных деяний совершаются с целью получения материальной выгоды. Жертву берут в заложники, чтобы получить выкуп – от нее самой или от людей, которым она небезразлична. Десятилетняя судебная практика рисует примерно одну и ту же схему: либо выкуп в прямом смысле, либо принуждение к сделке, либо выплата долга. Под удар чаще всего попадают предприниматели и их окружение, включая детей. Список требований широкий: наличные в любой валюте, квартиры и дома, машины, антиквариат, украшения. Иногда – сырье, строительные материалы, оборудование, акции или долговые бумаги. Форма зависит от того, чем владеет жертва или ее семья.

Примеры из судебной практики наглядно подтверждают корыстный характер большинства похищений. 24 июня 2013 г. Д., К. и Х., действуя по предварительному сговору, захватили гражданина Т. вблизи его места жительства, используя автомобиль Toyota Carina. Потерпевший был вывезен в лесной массив, где его привязали буксировочным тросом к дереву. Д. нанес ему удары руками и фонарем. После этого с телефона потерпевшего был совершен звонок гражданину П. с требованием четырех миллионов рублей и угрозой убийством в случае невыполнения условий в течение двух суток. По аналогичной схеме действовала группа неустановленных лиц в декабре 2011 г. в станице Староминской Краснодарского края: жертву удерживали в гараже по ул. Коммунаров до получения выкупа в размере 1,5 млн руб. [3].

Вместе с тем корыстный мотив не исчерпывает всего спектра целей похищений. Часть преступлений совершается с целью принудительного использования потерпевших в качестве рабочей силы либо их последующей продажи. В частности, в Чеченской Республике около 500 похищенных лиц были привлечены к строительным работам на дороге через Аргунское ущелье [8].

Способ совершения преступления имеет принципиальное значение для построения методики расследования. Как отмечает В. Г. Кораблев, без четкого представления о типичных способах действий преступников эффективная следственная методика не может быть выработана. Установленная схема позволяет определить направление расследования, сформулировать

обоснованные версии и очертить круг обстоятельств, подлежащих проверке, в том числе состав возможных соучастников, применявшиеся средства и характер следовой картины.

Материалы уголовных дел свидетельствуют о том, что для рассматриваемых деяний характерна подготовка. До совершения преступления преступники собирают сведения о потерпевшем: его пол, возраст, физические и психологические особенности, привычные маршруты передвижения. Преступление разворачивается поэтапно: выбор жертвы, сбор информации о ней, планирование, распределение ролей, подготовка средств – затем непосредственный захват, перемещение и удержание в заранее определенном месте. Воздействие на потерпевшего и его окружение с целью получения выкупа или имущества осуществляется параллельно с удержанием. Завершающий этап связан с противодействием расследованию: уничтожением следов и сокрытием участников. При этом психологическое воздействие на жертву применяется как в момент захвата, так и в период удержания и может выражаться в нагнетании страха, что нередко оказывается действеннее прямого физического принуждения.

В случае отказа потерпевшего от контакта с родственниками или коллегами посредством звонков или переписки либо от подписания требуемых документов, преступники, как правило, прибегают к физическому насилию. Отказ от сотрудничества расценивается как противодействие, подлежащее устранению силовыми методами.

При расследовании рассматриваемой группы преступлений важно установить, находилось ли лицо в каком-либо месте по своей воле или по принуждению, имело ли возможность его покинуть. Поскольку в случае отсутствия признака принудительного удержания состав похищения человека будет отсутствовать. Иное дело, когда оставление места удержания фактически было невозможно в силу объективных обстоятельств: нахождение в труднодоступной местности – в горах, болотах, отдаленных лесных массивах, – данные факторы меняют правовую оценку содеянного.

Анализ мест, откуда были похищены лица при совершении данного преступления, представлен в табл. 2.

Таблица 2

Типичные места, откуда были похищены лица данного преступления [9]

Места, откуда были похищены лица данного преступления	Доля, %
Дом, квартира, дача	42,1
Двор, недалеко от дома	10,5
Улица, недалеко от дома	15,7
Гостиницы	8,8
Работа	7,8
Транспортное средство	5,3
Аэропорт, вокзал	3,2

Данные табл. 2 указывают на устойчивую закономерность: в 42,1 % случаев похищение совершается непосредственно по месту жительства потерпевшего, еще в 15,7 % – в непосредственной близости от него. Объясняется это рядом обстоятельств. Во-первых, место проживания жертвы поддается наблюдению – преступники заблаговременно устанавливают распорядок дня, фиксируют время возвращения домой, оценивают наличие охраны и средств видеонаблюдения. Во-вторых, у собственного дома человек, как правило, утрачивает настороженность, привычная обстановка снижает готовность к противодействию. Именно поэтому данная зона остается наиболее уязвимой для потерпевшего и одновременно наиболее удобной для реализации преступного замысла.

Что касается мест удержания, судебная практика показывает, что чаще всего жертв содержали в соседних городах и селах – 10,2 % случаев. Подробные сведения о местах удержания потерпевших отражены в табл. 3.

Данные табл. 3 свидетельствуют о том, что в качестве мест удержания преступники преимущественно использовали квартиры и частные дома – также 10,2 % случаев.

Таблица 3
Типичные места удержания потерпевших [9]

Места удержания потерпевших	Доля, %
Городская квартира или дом	52,6
Загородный дом	12,1
Сарай, подвал, гараж	10,4
Гостиница, отель	8,8
Транспортное средство	5,2
Общепитие	3,7
Помещение коммерческой фирмы	3,5
Дом отдыха, пансионат	3,4

Необходимо разграничивать похищение человека и незаконное лишение свободы. Если лицо добровольно находилось по месту жительства или в ином месте и было там лишено свободы, содеянное не образует состава преступления, предусмотренного ст. 126 УК РФ. Похищение по своей природе предполагает изъятие лица из привычной среды, тогда как лишение свободы по месту нахождения квалифицируется по иной норме.

Подготовительный этап, как правило, включает сбор сведений о потерпевшем. Источниками выступают коллеги, члены семьи, соседи, знакомые, а также профили в социальных сетях. Способы получения информации варьируются: в одних случаях сведения приобретаются за вознаграждение, в других – под принуждением. Предметом интереса служат уровень доходов, семейное положение, привычные маршруты передвижения. Подобная разведка характерна для

ситуаций, когда жертва преступникам лично не известна.

Планирование преступления, особенно в рамках организованных группировок, возлагается на лидера. Именно он, опираясь на накопленный опыт и устоявшиеся связи внутри группы, определяет тактику действий от момента захвата до завершения операции по получению выкупа.

Временной анализ совершения похищений выявляет четкую закономерность: 42 % случаев приходится на период с 12 до 14 часов, 31 % – на период с 15 до 19 часов [6, с. 16]. Рабочие дни характеризуются более высокой криминогенностью – распорядок дня потерпевшего в этот период предсказуем. Более половины преступлений совершается в крупных городах. В 80 % случаев для транспортировки жертвы используется легковой автомобиль, при этом чаще всего потерпевшего помещают на пол или в багажник. Для исключения возможности ориентирования и последующей идентификации маршрута применяются подручные средства – жертве завязывают глаза, закрывают голову, связывают руки и ноги.

Место удержания намеренно выбирается на значительном удалении от места захвата, это затрудняет установление связи между двумя точками и осложняет розыскные мероприятия. С момента доставки потерпевшего начинается основная фаза преступления. В 85 % случаев в отношении похищенных применяется как физическое, так и психологическое насилие.

Приговором Кизилюртовского районного суда Республики Дагестан от 24 июня 2025 г. установлены следующие обстоятельства. 1 ноября 2023 г. ФИО1 и ФИО2, вооруженные пистолетом системы Макарова и предметом, схожим с автоматом, в масках напали на потерпевшего А. у его дома в г. Хасавюрте. ФИО2 произвел выстрел в воздух, после чего оба направили оружие на потерпевшего, предупредив, что следующий выстрел будет боевым. Потерпевшего уложили на землю, надели наручники, насильно посадили в автомобиль и вывезли в безлюдную местность у с. Манапкала, где избивали руками и ногами, угрожали убийством и потребовали выкуп в размере 2 млн долл. Потерпевший был прикован наручниками к бетонному блоку; каждый его звонок контролировался. Отведенный срок составил два часа [1].

При совершении рассматриваемых преступлений воздействие на потерпевших носит систематический характер. Ограничение доступа к пище, воде, медикаментам и санитарным условиям используется как инструмент давления наряду с угрозами в адрес самой жертвы и ее близких. Переговоры с лицами, способными выплатить требуемую сумму, ведутся независимо

от того, выполняет ли потерпевший предъявляемые условия.

Согласно данным табл. 4, требования в большинстве случаев передаются через самого потерпевшего. Такой способ связи преступники предпочитают личному контакту, который фиксируется лишь в 4 % случаев. Объясняется это двумя обстоятельствами. Прямой контакт с родственниками жертвы сопряжен с риском установления личности преступника, тогда как голос самого заложника исключает необходимость такого контакта. Одновременно испуганная речь близкого человека оказывает на родственников выраженное психологическое воздействие, подавляет способность к взвешенной оценке ситуации и ускоряет выполнение предъявленных требований.

Таблица 4

Типичные способы передачи требований иным лицам [5, с. 68]

Тип передачи требований	Доля, %
Потерпевший сам осуществил звонок по телефону, или требования излагали по телефону похитителя	76
Письменно или с помощью записи на аудио- или видеомagneтофонную кассеты	12
Через посредника	8
При личном контакте	4

Развитие цифровых технологий обусловило появление качественно новых способов совершения рассматриваемых преступлений. Зафиксированы случаи применения технологий глубокого синтеза, так называемых дипфейков [10, с. 142].

Суть метода состоит в создании реалистичных аудио-, видеозаписей или фотоматериалов, на которых жертва якобы находится в заложниках и обращается к родственникам с просьбой выполнить условия преступников, тогда как в действительности она остается на свободе и физическому захвату не подвергалась.

Помимо этого, технологические возможности сделали реальным похищение без какого-либо физического контакта с потерпевшим. В одном из задокументированных случаев 63-летняя женщина под влиянием мошенников добровольно покинула место проживания и проследовала в неустановленном направлении, после чего ее муж получил звонок с требованием передать денежные средства под угрозой причинения вреда здоровью жены [7].

Анализ лиц, совершивших похищение человека, представлен в табл. 5.

По данным исследований, 98,6 % лиц, непосредственно совершающих похищения, составляют мужчины; доля женщин не превышает 1,4 %. При похищениях детей с целью получения выкупа участие женщин несколько выше – 2,8 %, причем преимущественно в качестве ор-

ганизаторов или пособников. Образовательный уровень лиц, совершающих данную категорию преступлений, в целом невысок: высшее образование имеют лишь 8,5 %, тогда как 65,9 % располагают только средним.

Таблица 5

Характеристика лиц, совершивших похищение человека [5, с. 68]

Лица, совершившие похищение человека	Доля, %
Ранее судимые (по две судимости)	43,0
Не были ранее судимыми, среди них преобладали лица, совершившие похищение для получения невозвращенного долга	14,5
Имели последнее наказание до совершения похищения человека в виде лишения свободы сроком от 3 лет	29,7

Среди потерпевших выделяется группа лиц, не исполнивших долговые обязательства перед кредиторами. Их похищают с целью принудительного взыскания задолженности, при этом предъявляемая сумма нередко многократно превышает реальный долг. В ряде случаев само долговое обязательство является вымышленным – жертву удерживают под давлением несуществующих претензий. Отдельную категорию потерпевших составляют лица, связанные с криминальной средой. Они, как правило, не обращаются в правоохранительные органы, поскольку огласка их собственной деятельности представляет для них большую угрозу, чем выполнение требований похитителей. Один из приговоров фиксирует характерную для таких случаев схему: группа лиц по предварительному сговору, полагая, что потерпевший занимается нелегальным бизнесом, напала на него с применением травматического оружия и потребовала переоформить имущество на указанных ею лиц – рассчитывая именно на то, что жертва не станет обращаться за защитой [2].

Повышенной виктимностью по данной группе преступлений характеризуются одинокие пожилые лица, владеющие недвижимым имуществом – квартирами, домами, земельными участками, не располагающие поддержкой родственников. К этой же категории относятся лица с наркотической или алкогольной зависимостью: их изоляция от окружающих и затрудненность получения помощи делают их удобным объектом для преступников. Несовершеннолетние и женщины становятся жертвами по иным основаниям – корыстный мотив здесь нередко отсутствует, а преступление совершается с целью сексуального насилия, из мести либо на почве ревности.

Обобщая изложенное, следует отметить, что похищение человека представляет собой умышленный захват лица и его принудительное перемещение с последующим ограничением свобо-

ды, осуществляемое как открыто, так и тайно. Криминалистическая характеристика похищения человека представляет собой систему элементов, помогающих следователю сформировать план расследования, а также выдвинуть версии. Таким образом, именно понимание

сущности криминального деяния, а также информации об основных элементах криминалистической характеристики является базой и отправной точкой процесса раскрытия и расследования преступлений.

Список литературы

1. Приговор Кизилюртовского районного суда (Республики Дагестан) № 1-88/2025 от 24 июня 2025 г. по делу 1-88/2025. URL: <https://sudact.ru/regular/doc/WjktIPXQ9lJn/> (дата обращения: 1.05.2026).
2. Приговор Вологодского областного суда № 2-9/2016 от 7 нояб. 2016 г. по делу № 2-9/2016 URL: <https://sudact.ru/regular/doc/C3Cj9dMBaJoL/> (дата обращения: 1.05.2026).
3. Приговор Иркутского областного суда № 2-7 7/2015 от 1 окт. 2015 г. по делу № 2-77/2015 URL: <https://actofact.ru/case-38OS0000-2-77-2015-2015-07-16-2-0/> (дата обращения: 1.05.2026).
4. Иванова Е. В. Похищение человека: квалификация, ответственность : дис. ... канд. юрид. наук : 12.00.08. СПб., 2020. 215 с.
5. Иванов Д. Л. Исследование проблемы похищения людей // Психопедагогика в правоохранительных органах. 2014. № 3. С. 68–71.
6. Кораблев В. Г. Криминологическая характеристика и уголовно-правовые меры противодействия похищению человека : дис. ... канд. юрид. наук : 12.00.08. СПб., 2005. 189 с.
7. Марченко Д. А. О дистанционном похищении людей // Актуальные проблемы российского права. 2024. № 9. С. 159–166.
8. Рабы Аргунского ущелья // Независимая газета. 2000. 25 мая. URL: https://www.ng.ru/regions/2000-05-25/4_eslave.html (дата обращения: 12.03.2025).
9. Сводный отчет по России «Единый отчет о преступности» (сформирован в соответствии с приказом Генерального прокурора РФ от 3 июля 2023 г. № 429) // Официальный сайт Генеральной прокуратуры РФ (дата обращения: 11.03.2025).
10. Шишмарева Е. В., Исакова А. С. Криминалистические аспекты расследования мошенничества, совершенного с использованием информационно-коммуникационных технологий // Сибирский юридический вестник. 2025. № 4 (111). С. 141–146.

Проблемы квалификации фальсификации доказательств и результатов оперативно-разыскной деятельности

© Радаева Е. Н., 2026

Е. Н. Радаева

Магистрант 2-го года обучения, Юридический институт, Иркутский государственный университет, e-mail: lena-ra-daeva2002@mail.ru

Научный руководитель:

Р. А. Забавко, кандидат юридических наук, доцент, доцент кафедры уголовного права, Юридический институт, Иркутский государственный университет, e-mail: zrairk@gmail.com

Аннотация. Рассматриваются проблемы квалификации фальсификации доказательств, предусмотренной ст. 303 УК РФ. Анализируются вопросы определения круга субъектов преступления и его разграничения со смежными составами. Отмечаются сложности правоприменительной практики. Сделан вывод о необходимости совершенствования уголовно-правового регулирования.

Ключевые слова: фальсификация доказательств, ст. 303 УК РФ, квалификация преступлений, разграничение составов преступлений, субъект преступления, служебный подлог, преступления против правосудия.

Статья 303 Уголовного кодекса Российской Федерации (далее – УК РФ) [1] занимает особое место в системе уголовно-правовых норм, направленных на обеспечение достоверности доказательственной информации в сфере правосудия. Несмотря на относительно устойчивое законодательное регулирование, практика применения ст. 303 УК РФ демонстрирует наличие ряда проблем, связанных с квалификацией деяний, разграничением смежных составов преступлений и установлением признаков объективной стороны преступления. В связи с этим исследование вопросов ответственности за фальсификацию доказательств приобретает как теоретическую, так и практическую значимость.

В рамках настоящего исследования целесообразно в первую очередь рассмотреть способы совершения фальсификации доказательств и результатов оперативно-разыскной деятельности.

Термин «фальсификация» имеет латинское происхождение (от *falsification*) и в общем смысле означает подделку, искажение либо придание объекту внешних признаков подлинности с целью введения в заблуждение. В контексте уголовного законодательства, в частности ст. 303 УК РФ, под фальсификацией понимаются такие действия, как подмена, искажение либо искусственное создание доказательств.

Вместе с тем следует отметить, что в действующем уголовном законодательстве отсутствует легальное определение понятия «фальсификация доказательств», что порождает неоднозначность его толкования. В правоприменительной практике под фальсификацией могут пониматься действия, связанные как с полной подделкой доказательств, так и с их частичным искажением. Представляется, что отсутствие единообразного подхода затрудняет квалифи-

кацию деяний и может приводить к судебным ошибкам.

При этом в научной литературе подчеркивается, что фальсификация может затрагивать не только фактическое содержание доказательств, но и процессуальную форму их закрепления. Так, Л. А. Курочкина [2] указывает на возможность деформации как самих сведений, полученных в ходе следственных действий (например, показаний свидетелей), так и порядка их процессуального оформления. Речь, в частности, идет о фиктивном указании участников следственного действия, искажении процедуры его проведения либо иных нарушениях протокольной формы, способных повлиять на оценку доказательства.

Особую сложность для правоприменения представляет квалификация действий, связанных с оформлением процессуальных документов о якобы проведенных следственных действиях, которые в действительности не осуществлялись, но при этом содержат сведения, соответствующие реальным обстоятельствам. Как отмечает Д. Сычев [3], представление подобного протокола, даже при последующем подтверждении свидетелем изложенных в нем показаний, следует рассматривать как существенное нарушение уголовно-процессуальных требований, поскольку подрывается сама процедура получения доказательственной информации.

В свою очередь, С. В. Астахов [4] предлагает квалифицировать подобные действия как разновидность фальсификации доказательств, указывая на то, что фиктивное оформление следственного действия создает препятствия для установления объективной истины по делу и может оказать негативное влияние на законность и обоснованность судебного решения.

Данная позиция находит отражение и в правоприменительной практике, которая исходит из того, что отсутствие фактически проведенного следственного действия лишает соответствующее доказательство признака достоверности. Вследствие этого подобные деяния подлежат оценке в рамках состава фальсификации доказательств.

Так, по приговору Свердловского районного суда г. Иркутска от 10 августа 2017 г. по делу № 1-633/2017 дознаватель М. была признана виновной в том числе по ч. 2 ст. 303 УК РФ.

Суд установил, что М., осуществляя дознание, умышленно сфальсифицировала доказательства по уголовному делу. С целью ускорения расследования и снижения объема работы она не проводила фактические допросы потерпевшей и свидетеля, однако составила протоколы их допросов, внеся в них сведения об обстоятельствах преступления. При этом указанные протоколы были оформлены с соблюдением внешних процессуальных требований, включая внесение подписей от имени допрашиваемых лиц, выполненных самой М. Таким образом, доказательства были искусственно созданы без проведения соответствующих следственных действий.

Суд квалифицировал данные действия как фальсификацию доказательств по уголовному делу лицом, производящим дознание [5].

Рассмотренный пример наглядно демонстрирует, что составление процессуальных документов о несуществующих следственных действиях, даже при использовании фактически известных обстоятельств, признается фальсификацией доказательств. Ключевым признаком в данном случае выступает отсутствие реального процессуального действия, что влечет недостоверность полученных доказательств и их уголовно-правовую оценку по ст. 303 УК РФ.

Одной из наиболее дискуссионных проблем является определение круга субъектов преступления, предусмотренного ч. 2 ст. 303 УК РФ. В действующей редакции закона в качестве субъектов фальсификации доказательств по уголовному делу указаны: лицо, производящее дознание, следователь, прокурор и защитник. В науке уголовного права отсутствует поддержка подхода, исключающего ответственность лица, осуществляющего ведение протокола судебного заседания. Ряд исследователей указывает на необоснованность освобождения такого участника процесса от уголовной ответственности [6]. Пример фальсификации, осуществленной таким лицом, – намеренное допущение грамматических или смысловых ошибок при показаниях свидетелей, которое может серьезно повлиять на оценку доказательств.

Также остается открытым вопрос о включении в ст. 303 УК РФ таких субъектов, как эксперт

и специалист. В процессе проведения экспертизы они обладают реальной возможностью воздействия на доказательственную информацию, в том числе путем ее искажения. В частности, не исключается ситуация, при которой эксперт осуществляет замену объекта исследования и составляет заключение, формально соответствующее представленным материалам, но основанное на подложных исходных данных, что влияет на достоверность полученных выводов [7].

Исходя из вышеуказанного, представляется обоснованным обсуждение расширения круга субъектов преступления по ч. 2 ст. 303 УК РФ.

Следующая проблема в квалификации по ст. 303 УК РФ заключается в его разграничении с другими сходными преступлениями против правосудия и не только. Особые трудности возникают при отграничении ст. 303 УК РФ от ст. 299 УК РФ. Объединяющим признаком рассматриваемых составов преступлений выступает их общий непосредственный объект – общественные отношения, обеспечивающие законное, обоснованное и справедливое осуществление правосудия. Вместе с тем, несмотря на единство охраняемой сферы, данные составы различаются по признакам объективной стороны. Состав преступления, предусмотренный ч. 1 ст. 299 УК РФ, проявляется в совершении действий, направленных на необоснованное привлечение лица к уголовной ответственности при осознании его невиновности. Как правило, это выражается в принятии процессуального решения о придании лицу статуса обвиняемого и доведении до него содержания предъявленного обвинения. В свою очередь, деяние, предусмотренное ч. 2 ст. 303 УК РФ, характеризуется активным вмешательством в формирование доказательственной базы. Оно может выражаться в создании фиктивных доказательств, искажении сведений, содержащихся в протоколах следственных действий, а также в сборе и представлении информации, не соответствующей фактическим обстоятельствам дела. Отсюда можно сделать вывод, что предметом преступления ст. 299 УК РФ являются решения, а предметом ст. 303 УК РФ – доказательства.

Отграничение ст. 303 УК РФ от ст. 292 УК РФ также имеет важное значение в рассматриваемом вопросе. Данные статьи отличаются друг от друга по объекту. Служебный подлог посягает на интересы государственной службы в целом, тогда как фальсификация доказательств направлена прежде всего против интересов правосудия. Следовательно, объектом служебного подлога является нормальная деятельность органов государственной власти и управления в сфере оформления официальных документов, а объектами фальсификации доказательств выступают

общественные отношения, обеспечивающие нормальную работу судебных органов, предварительного расследования, производство уголовного преследования и исполнение судебных решений. Различие проявляется и в предмете преступления: для ст. 303 УК РФ им являются доказательства, а для ст. 292 УК РФ – официальные документы.

Объективная сторона служебного подлога заключается во внесении в официальные документы заведомо ложных сведений либо изменений, искажающих их фактическое содержание. В свою очередь, фальсификация доказательств выражается в подделке либо намеренном искажении доказательственной информации. Для признания деяния оконченным по ст. 292 УК РФ достаточно совершения хотя бы одного из указанных действий [8]. В этой связи можно сделать вывод о том, что объединяющим признаком рассматриваемых составов выступает искажение информации посредством внесения изменений в официальные документы или доказательства, способных повлиять на их достоверность.

В судебной практике немало примеров, когда данные составы квалифицируются в совокупности. Так, по приговору Свердловского районного суда г. Иркутска от 10 августа 2017 г. по уголовному делу № 1-633/2017 К. признана виновной в совершении преступлений, предусмотренных ч. 1 ст. 292, ч. 2 ст. 303 УК РФ, при следующих обстоятельствах.

К., являясь должностным лицом и осуществляя дознание по уголовному делу по ч. 1 ст. 119 УК РФ, из иной личной заинтересованности (стремления избежать нареканий руководства за длительность, связанную с расследованием и нарушением процессуальных сроков) приняла решение не проводить фактические допросы потерпевшей и свидетеля. Осознавая общественную опасность своих действий и понимая их противоправный характер, она без реального проведения следственных действий изготовила протоколы допросов, внесла в них сведения об обстоятельствах преступления, заполнила необходимые реквизиты и выполнила подписи от имени указанных лиц, тем самым сфальсифицировав доказательства по уголовному делу.

Кроме того, с целью ускорения производства по делу К. внесла заведомо ложные сведения в официальные процессуальные документы (постановление о признании потерпевшей, протоколы уведомления и ознакомления с материалами дела), также исполнив подписи от имени потерпевшей. Указанные документы не обладали признаками доказательств, однако удостоверяли юридически значимые факты, что повлекло нарушение прав участника уголовного судопроизводства.

Суд квалифицировал действия К. по ч. 2 ст. 303 УК РФ как фальсификацию доказательств лицом, производящим дознание, и по ч. 1 ст. 292 УК РФ как служебный подлог – внесение должностным лицом заведомо ложных сведений в официальные документы из иной личной заинтересованности [9].

Особое внимание следует уделять отграничению ст. 303 УК РФ от ст. 286 УК РФ. Фальсификация доказательств не включает такие признаки, как сокрытие или уничтожение доказательственных материалов. В случае совершения должностным лицом действий, выходящих за пределы полномочий и связанных с изъятием или сокрытием материалов дела, содеянное может квалифицироваться по ст. 286 УК РФ. Показательным является пример из судебной практики, рассмотренный Ростовским областным судом. Суд пришел к выводу о необходимости исключения из обвинения по ч. 2 ст. 303 УК РФ действий подсудимого, связанных с изъятием и сокрытием из материалов уголовного дела ранее оформленных протоколов допросов свидетелей. Указанные действия были переквалифицированы как превышение должностных полномочий и отнесены к ч. 1 ст. 286 УК РФ [10].

Объективная сторона ст. 286 УК РФ выражается в совершении действий, явно выходящих за пределы компетенции должностного лица и повлекших существенное нарушение прав и законных интересов граждан, организаций либо государства. Тогда как объективная сторона по ст. 303 заключается в подмене, подделывании доказательств, искажении их смысла.

Так, сопоставление с составом, предусмотренным ст. 292 УК РФ, показывает, что основное различие заключается в объекте преступления. Превышение должностных полномочий затрагивает интересы государственной службы, тогда как фальсификация доказательств направлена непосредственно против интересов правосудия. В связи с этим при квалификации необходимо учитывать направленность деяния, а также его фактические последствия.

Существенное практическое значение имеет также вопрос соотношения положений ст. 303 УК РФ и ст. 306 УК РФ. Особого внимания заслуживает ч. 3 ст. 306 УК РФ, устанавливающая ответственность за заведомо ложный донос о совершении преступления, соединенный с искусственным созданием доказательств обвинения.

Разграничение указанных составов преступлений осуществляется, прежде всего, по признаку субъекта. В случае заведомо ложного доноса субъект является общим, тогда как при фальсификации доказательств ответственность несет специальный субъект, обладающий соответствующими процессуальными правами.

Лицо, участвующее в уголовном судопроизводстве, которое искусственно сформировало доказательства обвинения, а затем дало заведомо ложные показания относительно этих доказательств, подлежит уголовной ответственности в соответствии со ст. 307 УК РФ. Так, согласно п. 22 постановления Пленума Верховного Суда РФ от 28 июня 2022 г. № 20 «О некоторых вопросах судебной практики по уголовным делам о преступлениях против правосудия» действия лица, совершившего заведомо ложный донос и впоследствии давшего заведомо ложные показания в ходе производства по уголовному делу, возбужденному по его заявлению, квалифицируются по совокупности преступлений, предусмотренных ст. 306 и 307 УК РФ [11].

В случаях, когда следователь осознает недостоверный характер представленных доказательств, однако включает их в материалы уго-

ловного дела, содеянное подлежит квалификации по ч. 2 ст. 303 УК РФ.

Таким образом, проведенный анализ вопросов квалификации фальсификации доказательств и результатов оперативно-разыскной деятельности позволяет говорить о наличии как пробелов в законодательстве, так и сложностей, возникающих в правоприменительной практике. В связи с этим представляется необходимым дальнейшее совершенствование уголовно-правового регулирования, в том числе положений ст. 303 УК РФ. В частности, уточнение круга субъектов преступления, способов совершения деяния и критериев разграничения со смежными составами позволит повысить эффективность защиты интересов правосудия, снизить риск квалификационных ошибок и обеспечить вынесение справедливых судебных решений.

Список литературы

1. Уголовный кодекс Российской Федерации от 13 июня 1996 г. № 63-ФЗ (ред. от 14.02.2024) // КонсультантПлюс : справочная правовая система.
2. Курочкина Л. А. Доказательства: недопустимые и сфальсифицированные // Уголовное право. 2012. № 1. С. 121–122.
3. Сычев Д. Фальсификация доказательств // Законность. 2008. № 9. С. 45–47.
4. Асташов С. В. Проблемы установления признаков объективной стороны фальсификации доказательств по гражданскому делу // Право и процесс в XXI веке: континентальный опыт и перспективы : сб. науч. ст. / отв. ред. Т. В. Сахнова. Красноярск, 2011. С. 293–300.
5. Приговор Свердловского районного суда г. Иркутска № 1-633/2017 от 10 авг. 2017 г. по делу № 1-633/2017. URL: <https://sudact.ru/regular/doc/Z6gyRctBSyVq/?regular> (дата обращения: 05.04.2026).
6. Бунин О. Ю. Составы фальсификации доказательств установлены в уголовном законе непоследовательно и несправедливо // Евразийская адвокатура. 2017. № 1 (26). С. 53–56.
7. Яшин А. В. Концептуальные основы предупреждения преступлений против участников уголовного судопроизводства : дис. ... д-ра юрид. наук : 12.00.08. Саратов. 2018. 486 с.
8. Российское уголовное право. Особенная часть. В 2 т. Т. 2 : учебник / под ред. Л. В. Иногамовой-Хегай, В. С. Комиссарова, А. И. Рарога. 2-е изд., перераб. и доп. М. : ТК Велби : роспект, 2008. – 525 с.
9. Приговор Свердловского районного суда г. Иркутска от 18 янв. 2019 г. по делу № 1-7/2019. URL: <https://sudact.ru/regular/doc/ishwepFzs1v/> (дата обращения: 05.04.2026).
10. Приговор Ростовского областного суда от 6 дек. 2010 г. по делу № 1-12/2010 // ГАС «Правосудие».
11. О некоторых вопросах судебной практики по уголовным делам о преступлениях против правосудия : постановление Пленума Верховного Суда РФ от 28 июня 2022 г. № 20 // КонсультантПлюс : справочная правовая система.

Актуальные вопросы института несостоятельности (банкротства) физического лица (гражданина) в Российской Федерации

© Сиразиева А. А., 2026

А. А. Сиразиева

Магистрант 1-го курса, Казанский (Приволжский) федеральный университет, e-mail: averinskaia.alesia@yandex.ru

Научный руководитель:

Э. Ф. Нигматуллина, доктор юридических наук, профессор, профессор кафедры гражданского права, Казанский (Приволжский) федеральный университет, e-mail: Elmira.Nigmatullina@kpfu.ru

Аннотация. Рассматриваются актуальные проблемы и вопросы института несостоятельности физического лица, имеющие законодательный, организационный и правоприменительный характер. Предлагаются пути решения выявленных проблем.

Ключевые слова: несостоятельность (банкротство), гражданин-должник, понятие несостоятельности (банкротства) физического лица (гражданина), проблемы института несостоятельности (банкротства) физического лица (гражданина).

Следует подчеркнуть, что в целом институт несостоятельности (банкротства) имеет в отечественном государстве продолжительную историю становления и развития, отправной точкой которой является период Древней Руси [1, с. 12]. Как разъясняет Президиум Верховного Суда РФ, институт несостоятельности (банкротства) представляет собой в настоящее время экстраординарный способ освобождения от долгов, поскольку в результате его применения могут в значительной степени ущемляться права кредиторов, рассчитывавших на получение причитающегося им. Процедура банкротства не предназначена для необоснованного ухода от ответственности и незаконного прекращения долговых обязательств, а судебный контроль над этой процедурой, помимо прочего, не позволяет ее использовать с противоправными целями и защищает кредиторов от фиктивных банкротств [2]. Принципиально важным в данном случае представляется то обстоятельство, что институт несостоятельности (банкротства) физического лица (гражданина) основан на принципе добросовестности, предполагающем, что подобным образом избавиться от взятых на гражданина обязательств может лишь действительно человек, попавший в трудную жизненную ситуацию и не имеющий реальной возможности надлежащим образом исполнить их вследствие воздействия определенных внешних факторов и обстоятельств [3].

Признание физического лица (гражданина) банкротом может осуществляться как в судебном порядке, посредством реализации которого последний получает соответствующий правовой статус на основании решения арбитражного суда, так и в рамках внесудебных процедур [4, с. 111]. Основания, порядок и последствия признания арбитражным судом гражданина несо-

стоятельным (банкротом), очередность удовлетворения требований кредиторов, порядок применения процедур в деле о несостоятельности (банкротстве) гражданина устанавливаются положениями Федерального закона от 26 октября 2002 г. № 127-ФЗ «О несостоятельности (банкротстве)» [5].

Следует особо подчеркнуть, что в настоящее время в современной отечественной юридической доктрине не наблюдается единства мнений ученых и исследователей относительно целей института несостоятельности (банкротства) физического лица (гражданина). Разделяя позицию Л. В. Масленниковой, под целями института несостоятельности (банкротства) физического лица (гражданина) предлагаем понимать и рассматривать удовлетворение требований кредиторов неплатежеспособного должника в максимально возможном объеме посредством восстановления платежеспособности должника либо применения иных процедур, направленных на обеспечение прав, свобод и законных интересов как кредиторов, так и должника [6, с. 454].

В рамках настоящей научной статьи под несостоятельностью (банкротством) физического лица (гражданина) предлагается понимать и рассматривать отсутствие у должника реальной и объективной возможности удовлетворить требования кредиторов. В качестве критериев несостоятельности физического лица выступают неоплатность, представляющая собой превышение размера кредиторской задолженности и обязательных платежей над стоимостью имущества должника, а также его неплатежеспособность, заключающаяся в невозможности в полном объеме, в установленном порядке и в установленные сроки удовлетворить требования кредиторов о погашении существующей задолженности [7, с. 133].

Несмотря на то что в настоящее время институт несостоятельности (банкротства) физических лиц (граждан) является крайне популярным среди населения Российской Федерации, что подтверждается тем, что в 2024 г. судами Российской Федерации было рассмотрено 346 894 заявления о признании гражданина несостоятельным (банкротом), на современном этапе его развития существуют определенные проблемы законодательного, организационного и правоприменительного характера. Разрешение указанных проблем будет способствовать совершенствованию и дальнейшему развитию института несостоятельности (банкротства) физических лиц (граждан) в Российской Федерации.

Таким образом, к актуальным проблемам и вопросам института несостоятельности (банкротства) физического лица (гражданина) относится следующее.

1. В положениях действующего законодательства Российской Федерации закреплен достаточно объемный перечень документов, который должен быть предоставлен заявителем для последующего рассмотрения и разрешения в судебном порядке вопроса относительно наличия либо отсутствия оснований и законной возможности признать его несостоятельным (банкротом) и освободить от необходимости исполнять взятые на себя финансовые обязательства перед кредиторами. В определенных ситуациях данное обстоятельство может явиться своего рода препятствием для реализации принадлежащего лицу права обратиться в суд с целью признания его несостоятельным (банкротом). В целях устранения данной проблемы представляется в полной мере возможным отнестись обязанность по истребованию доказательств по делу о признании гражданина банкротом в том случае, когда заявитель надлежащим, добросовестным образом исполняет возложенную на него обязанность по подаче заявления о признании собственного банкротства, а также в тех случаях, когда истребование документов не повлечет значительного увеличения сроков судопроизводства. Основанием для выполнения судом указанной обязанности будет являться соответствующее ходатайство заявителя. Соответственно, представляется необходимым дополнить положения ч. 3 ст. 213.4 Федерального закона «О несостоятельности (банкротстве)» абз. 21 следующего содержания: *«Гражданин при подаче заявления о признании его банкротом вправе заявить ходатайство об истребовании судом документов, необходимых и достаточных для рассмотрения заявления по существу, по причине отсутствия у заявителя объективной возможности представить недостающие доказательства по делу о признании гражданина банкротом».*

2. Достаточно интересной и в полной мере неоднозначной представляется в настоящее время ситуация, сложившаяся в вопросе оплаты вознаграждения финансовому управляющему, который является обязательным участником процедуры признания физического лица (гражданина) несостоятельным (банкротом). По общему правилу бремя оплаты вознаграждения финансовому управляющему в настоящее время возложено на физическое лицо, обратившееся в суд с целью объявления себя несостоятельным (банкротом), т. е. не имеющее реальной возможности исполнить взятые на себя финансовые обязательства перед кредиторами. Соответственно, возникает ситуация, при которой гражданин, не имеющий финансовых средств, позволяющих ему исполнить кредитные обязательства, должен возложить на себя дополнительные финансовые обязательства по оплате вознаграждения финансовому управляющему. В отдельных случаях данное требование отечественного законодателя может явиться своего рода препятствием для использования физическим лицом (гражданином) возможностей института несостоятельности (банкротства) и простой неуплаты взятых на себя финансовых обязательств перед кредиторами. Думается, что данная ситуация может быть разрешена посредством реализации последующих предложений: 1) присвоения деятельности финансового управляющего правового статуса «бесплатной юридической помощи», одним из возможных вариантов предоставления которой является представление интересов гражданина в судах, что повлечет возможность оплаты деятельности финансовых управляющих за счет бюджетных ассигнований из федерального бюджета и бюджетов субъектов РФ в соответствии с бюджетным законодательством Российской Федерации; 2) включения денежных средств, подлежащих уплате в качестве вознаграждения финансовому управляющему, в общую сумму существующей у заявителя задолженности и погашения ее после проведения всех судебных процедур в рамках института несостоятельности (банкротства) физического лица (гражданина). Достаточной интересной с исследовательской точки зрения и позиции практической реализации представляется предложение Л. М. Алферовой, которая вопрос уплаты вознаграждения финансовому управляющему предлагает разрешать в рамках страхования должников от случаев банкротства в комплексе со страхованием жизни и здоровья физических лиц (граждан) в процессе оформления кредитного договора [7, с. 51].

3. Несмотря на закрепление в положениях действующего законодательства Российской Федерации обязанности физического лица (граж-

данина) об обращении с целью признания его несостоятельности (банкротства) во внесудебном порядке при наличии задолженности перед кредиторами в размере не менее 25 тыс. руб. и не более 1 млн руб., не исключаются риски проявления так называемого потребительского терроризма, когда человек будет принимать на себя финансовые обязательства без намерения их надлежащим образом исполнять, но планируя обратиться с соответствующим заявлением и признать себя несостоятельным (банкротом). Разрешение выявленной проблемы представляется возможным посредством закрепления в действующем законодательстве Российской Федерации положения о том, что у гражданина, на момент подачи заявления о признании его банкротом во внесудебном порядке, должна быть задолженность по взятым на себя перед кредиторами финансовым (денежным) обязательствам в размере от 200 тыс. руб. до 1 млн руб., что представляется более соответствующим требованиям принципов справедливости и равенства как должников, так и кредиторов. Предложенное увеличение минимального размера задолженности, позволяющей физическому лицу инициировать процедуру внесудебного банкротства, следует рассматривать в качестве определенного фильтра, посредством которого к внесудебному банкротству будут прибегать такие добросовестные должники, которые действительно не имеют реальной и объективной возможности надлежащим образом выполнить взятые на себя обязательства перед кредитором, в отличие от недобросовестных должников, которые оформляют относительно небольшие займы денежных средств, не планируя изначально

надлежащим образом исполнять возложенные на себя перед кредитором обязательства.

4. Достаточно неоднозначным представляется выбор отечественного законодателя в качестве субъекта, принимающего решение о признании физического лица (гражданина) несостоятельным (банкротом) во внесудебном порядке, Многофункционального центра предоставления государственных и муниципальных услуг. В большей степени обоснованным представляется в данном случае отнестись полномочия по рассмотрению и разрешению заявлений физических лиц (граждан) о признании их банкротами во внесудебном порядке к компетенции территориальных органов Министерства экономического развития РФ, поскольку одним из направлений деятельности данного федерального органа исполнительной власти является регулирование общественных отношений, возникающих в связи и по поводу несостоятельности (банкротства) и финансового оздоровления как на федеральном, так и региональном уровнях.

Думается, что устранение выявленных проблем и вопросов института несостоятельности (банкротства) физического лица (гражданина) посредством реализации предложенных решений будет способствовать дальнейшему совершенствованию и развитию данного современного и цивилизованного механизма сложившейся ситуации при максимально возможном соблюдении и защите прав, свобод и законных интересов как должника, не имеющего возможности надлежащим образом выполнить взятые на себя финансовые обязательства, так и кредитора, который может понести ощутимые финансовые потери.

Список литературы

1. Лабазанова М. А. История зарождения и развития законодательства о несостоятельности (банкротстве) в России // Юридическая наука. 2020. № 8. С. 11–15.
2. О некоторых вопросах, связанных с введением в действие процедур, применяемых в делах о несостоятельности (банкротстве) граждан : постановление Пленума Верховного Суда РФ от 13 окт. 2015 г. № 45 (ред. от 17.12.2024.) // Бюллетень Верховного Суда РФ. 2015. № 12.
3. Обзор судебной практики по делам о банкротстве граждан: утв. Президиумом Верховного Суда РФ 18 июня 2025 г. (Документ опубликован не был) // КонсультантПлюс : справочная правовая система.
4. Кузнецов К. С. Банкротство физических лиц: аспекты процедуры банкротства // Интерактивная наука. 2023. № 2. С. 110–112.
5. О несостоятельности (банкротстве) : федер. закон от 26 окт. 2002 г. № 127-ФЗ (ред. от 31.07.2025) // СЗ РФ. 2002. № 43. Ст. 4190.
6. Масленникова Л. В., Залесная Д. С. Цели и задачи института несостоятельности (банкротства): сравнительная характеристика российского и зарубежного законодательства // Молодой ученый. 2016. № 29. С. 453–455.
7. Алферова Л. М. Банкротство граждан: проблемы применения на практике // Социально-политические науки. 2016. № 3. С. 50–54.

Административная ответственность арбитражных управляющих как средство защиты прав кредиторов

© Сонгорова О. И., 2026

О. И. Сонгорова

Магистрант 2-го года обучения, Юридический институт, Иркутский государственный университет, e-mail: songolovaolga@gmail.com

Научный руководитель:

Б. Д. Дамдинов, кандидат юридических наук, доцент, доцент кафедры административного и финансового права, Юридический институт, Иркутский государственный университет, e-mail: damdinovbato@mail.ru

Аннотация. Исследуется административная ответственность арбитражных управляющих, предусмотренная ст. 14.13 КоАП РФ, в качестве инструмента защиты имущественных прав кредиторов в процедурах банкротства. Раскрывается механизм такой защиты: право кредитора на обращение в Росреестр с жалобой, оперативное рассмотрение дела, возможность дисквалификации недобросовестного управляющего.

Ключевые слова: арбитражный управляющий, административная ответственность, кредиторы, банкротство, несостоятельность, защита прав, штраф, убытки.

Процедура банкротства представляет собой сложный юридический процесс, требующий глубоких знаний как теоретического, так и практического характера. Отсутствие возможности должника удовлетворить требования кредиторов по денежным обязательствам, а также выполнить все необходимые действия по уплате обязательных платежей, по выплате выходных пособий и оплате труда работающих или работавших по трудовому договору лиц говорит о несостоятельности должника в полном объеме погасить взятые на себя обязательства [7, с. 78].

Как и любой другой процесс, процедура банкротства имеет свои особенности в порядке проведения. Она ориентирована на достижение конкретного результата, сопровождается нормативными правовыми актами, а также имеет свой круг субъектов, принимающих непосредственное участие в делах о банкротстве, права и обязанности которых определены и реализуются в соответствии с законодательством. Поддержание баланса частных и публичных интересов обеспечивается посредством утверждаемого судом арбитражного управляющего, который становится ключевой фигурой в делах о банкротстве [8, с. 122].

Институт несостоятельности (банкротства) в современном российском праве строится на балансе трех основных групп участников: должника, кредиторов и арбитражного управляющего. В соответствии со ст. 2 Федерального закона от 26 октября 2002 г. № 127-ФЗ «О несостоятельности (банкротстве)» (далее – Закон о банкротстве) под арбитражными управляющими понимаются граждане Российской Федерации, являющиеся членами саморегулируемых организаций (СРО) арбитражных управляющих [1]. Именно управляющий, будучи независимым профессионалом,

наделен властно-распорядительными полномочиями в отношении конкурсной массы. Его действия напрямую определяют, какую долю своих требований смогут удовлетворить кредиторы. Исторически и доктринально признано, что кредиторы являются наиболее уязвимой и одновременно наиболее заинтересованной стороной в деле о банкротстве. Поэтому государство создает систему правовых средств, направленных на предотвращение злоупотреблений со стороны управляющего.

Арбитражный управляющий представляет собой наиболее важную, ключевую фигуру, от деятельности которой во многом зависит эффективность проведения основных процедур несостоятельности (банкротства). Поэтому ненадлежащее исполнение им собственных профессиональных обязанностей является недопустимым [9, с. 100]. Деятельность арбитражного управляющего отличается многофункциональностью. Ему приходится решать множество разнообразных задач: от комплексного анализа проблем предприятия на разных стадиях банкротства до нахождения наиболее приемлемых и максимально эффективных путей финансового оздоровления организации. Но часто сами арбитражные управляющие при осуществлении своих обязанностей в рамках процедуры банкротства допускают нарушения законодательства [10, с. 69].

Центральное место в этой системе занимает административная ответственность, предусмотренная ст. 14.13 Кодекса Российской Федерации об административных правонарушениях (КоАП РФ) «Неправомерные действия при банкротстве» [2]. Данная норма охватывает широкий круг деяний: неисполнение обязанностей, не-

представление сведений, незаконное привлечение специалистов, затягивание процедур и др.

Органом контроля за деятельностью арбитражных управляющих и саморегулируемых организаций является Федеральная служба государственной регистрации, кадастра и картографии. В функции Росреестра входит не только выявление нарушений законодательства арбитражным управляющим, но и обращение в суд с заявлением о привлечении арбитражного управляющего и саморегулируемой организации к административной ответственности [6, с. 121].

Административная ответственность арбитражного управляющего по своей сути является мерой государственного принуждения за нарушение установленного порядка осуществления процедур банкротства. Особый правовой статус арбитражного управляющего, представляющий собой совокупность как частноправовых, так и публичных элементов, определяет особенности его правовой ответственности [11, с. 242]. Этот статус сочетает элементы гражданского, процессуального и административного права и не поддается однозначному определению [5, с. 115].

С точки зрения защиты прав кредиторов данный институт выполняет несколько взаимосвязанных функций.

Во-первых, превентивная (стимулирующая) функция. Угроза наложения штрафа в размере от 25 до 50 тыс. руб. (при повторном нарушении или причинении ущерба – наложения штрафа в размере до 100 тыс. руб. или дисквалификации до трех лет) заставляет управляющего строго соблюдать сроки и порядок совершения действий. Как показывает практика, основная масса нарушений связана именно с формальными упущениями (несвоевременная публикация, непредставление отчета, неверное заполнение реестра). Благодаря административной ответственности такие нарушения становятся невыгодными и рискованными. Кредиторы, не обладая возможностью оперативно взыскать убытки с управляющего (для чего необходимо доказывать размер и причинную связь), получают инструмент быстрого воздействия – жалобу в Росреестр с последующим штрафом.

Во-вторых, контрольная функция через механизм жалоб кредиторов. Любой кредитор вправе обратиться в Росреестр с заявлением о привлечении арбитражного управляющего к административной ответственности. Росреестр, в свою очередь, обязан провести проверку. Это создает постоянный внешний контроль, который не требует от кредитора значительных финансовых затрат (в отличие от судебного спора о взыскании убытков).

В-третьих, дисциплинирующее воздействие на саморегулируемую организацию. Саморегу-

лируемые организации, опасаясь негативной репутации и санкций со стороны регулирующих органов, вынуждены более тщательно контролировать своих членов. Факт неоднократного привлечения арбитражного управляющего к административной ответственности является основанием для его исключения из СРО, что фактически лишает его права заниматься профессиональной деятельностью. Таким образом, административная ответственность опосредованно защищает кредиторов еще и через внутрикорпоративные механизмы СРО.

Механизм защиты прав кредиторов через привлечение арбитражного управляющего к административной ответственности включает несколько последовательных этапов:

1. Обращение кредитора с жалобой. Кредитор, чьи права нарушены действиями (бездействием) арбитражного управляющего, вправе обратиться с жалобой в Управление Росреестра по месту нахождения должника. В своем обращении гражданин может указать, какие неправомерные действия, по его мнению, допускает арбитражный управляющий. Помимо Росреестра, кредитор также может обратиться в арбитражный суд, рассматривающий дело о банкротстве (в порядке ст. 60 Закона о банкротстве), в саморегулируемую организацию арбитражных управляющих либо в правоохранительные органы при наличии признаков преступления.

2. Рассмотрение жалобы Росреестром. Указанное обращение в Управление Росреестра в обязательном порядке подлежит рассмотрению в течение тридцати дней, о результатах рассмотрения гражданину направляется мотивированный ответ. Если в ходе рассмотрения обращения подтвердятся факты нарушений со стороны арбитражного управляющего, то Управление предпримет меры по привлечению арбитражного управляющего к административной ответственности. При этом установление личности заявителя, проверка статуса подавшего жалобу лица, а также установление целей и мотивов такого лица в компетенцию административного органа не входят, в связи с чем любое обращение (жалоба) на действия арбитражного управляющего подлежит рассмотрению в установленном законом порядке.

3. Составление протокола и передача дела в суд. В случае выявления фактов ненадлежащего исполнения арбитражным управляющим своих обязанностей будет составлен административный протокол, который направляется в арбитражный суд для принятия решения о привлечении либо отказе в привлечении арбитражного управляющего к административной ответственности. Поводами к возбуждению дела об административном правонарушении являются, в

частности, сообщения и заявления физических и юридических лиц, содержащие данные, указывающие на наличие события административного правонарушения (п. 3 ч. 1 ст. 28.1 КоАП РФ).

4. Рассмотрение дела арбитражным судом. Арбитражный суд рассматривает заявление Росреестра о привлечении арбитражного управляющего к административной ответственности. В случае привлечения управляющего к ответственности ему могут быть назначены наказания в виде предупреждения, штрафа или дисквалификации.

5. Дисквалификация за повторные нарушения. Особую роль в защите прав кредиторов играет дисквалификация – одна из форм административного наказания, применяемая к арбитражным управляющим, повторно совершившим правонарушение, предусмотренное ч. 3 ст. 14.13 КоАП РФ. Дисквалификация предполагает отстранение от дел на срок от шести месяцев до трех лет. Административное наказание в виде дисквалификации назначается в том случае, если арбитражный управляющий в течение года повторно совершает административное правонарушение, за которое суд уже привлекал его к административной ответственности.

Привлечение арбитражного управляющего к административной ответственности имеет для кредиторов несколько важных последствий.

Во-первых, сам факт привлечения к ответственности оказывает дисциплинирующее воздействие на управляющего. После вынесения предупреждения или штрафа управляющий, как правило, немедленно устраняет допущенное нарушение (проводит инвентаризацию, публикует отчет, созывает собрание кредиторов и т. д.).

Во-вторых, возможность отстранения недобросовестного управляющего. Систематическое привлечение управляющего к административной ответственности может служить основанием для его отстранения от исполнения обязанностей. Дисквалификация, в свою очередь, лишает управляющего права заниматься профессиональной деятельностью, что защищает кредиторов от потенциальных злоупотреблений в будущем.

В-третьих, хотя административный штраф поступает в бюджет, а не кредиторам, сам факт привлечения управляющего к ответственности может служить важным доказательством его вины в последующем гражданско-правовом споре о взыскании убытков. Кредитор, чьи права были нарушены, получает публичное подтверждение неправомерности действий управляющего, что облегчает доказывание в отдельном процессе.

Важнейшим примером того, как высшая судебная инстанция встает на защиту прав кредиторов, является постановление Конституционного Суда РФ от 7 октября 2024 г. № 44-П, выне-

сенное по жалобе арбитражного управляющего С. В. Рязанова [3]. Предметом проверки стала ч. 3 ст. 14.13 КоАП РФ во взаимосвязи с п. 6.1 ст. 28 и ст. 149 Закона о банкротстве. До вынесения этого постановления в правоприменительной практике существовала неустраняемая неопределенность: с какого момента следует исчислять 10-дневный срок для публикации отчета о результатах конкурсного производства – с даты вынесения определения суда о завершении конкурсного производства или с даты внесения записи о ликвидации должника в ЕГРЮЛ.

Существовавшая правовая неопределенность порождала риск привлечения управляющих к ответственности без учета объективной возможности исполнить обязанность по публикации, что, в свою очередь, не гарантировало кредиторам своевременного и достоверного получения информации о завершении процедуры.

Конституционный Суд РФ признал оспариваемые нормы не соответствующими Конституции РФ именно в силу порождаемой ими правовой неопределенности. До внесения изменений в законодательство суд предписал применять следующий временный порядок.

Если определение суда о завершении конкурсного производства вынесено до официального опубликования данного постановления (08.10.2024), срок публикации отчета для управляющего составляет 10 дней с даты внесения записи о ликвидации должника в ЕГРЮЛ.

Если определение вынесено после официального опубликования постановления, срок публикации отчета составляет 10 дней с даты вынесения судом определения о завершении конкурсного производства.

С точки зрения защиты прав кредиторов это постановление имеет принципиальное значение. Кредиторы получили ясный и прозрачный ориентир: они могут отслеживать дату внесения записи в ЕГРЮЛ и в случае нарушения управляющим 10-дневного срока могут быть уверенными в том, что их жалоба в Росреестр будет рассмотрена в соответствии с единообразным подходом, а управляющий не сможет избежать ответственности из-за двусмысленности закона. Таким образом, Конституционный Суд РФ не просто формально устранил неопределенность, но и реально усилил гарантии имущественных прав кредиторов в процедурах банкротства.

Верховный Суд РФ также внес значительный вклад в развитие практики привлечения арбитражных управляющих к ответственности по ст. 14.13 КоАП РФ. В определении Судебной коллегии по экономическим спорам от 16 ноября 2020 г. № 307-ЭС20-11632 [4] суд рассмотрел вопрос о том, является ли оспаривание сделок должника правом или обязанностью управляю-

щего. Суть дела заключалась в том, что финансовый управляющий не оспорил сделки должника по расчетам с отдельными кредиторами через третьих лиц, минуя основной счет, полагая, что это является его правом, а не обязанностью.

Верховный Суд РФ не согласился с такой позицией и указал, что арбитражный управляющий должен оспаривать невыгодные для кредиторов сделки должника в целях увеличения конкурсной массы и распределения ее между кредиторами. Действовать при этом он должен разумно и рационально, однако уклонение от обжалования является противоправным, если оно затрагивает интересы должника и его кредиторов. Суд подчеркнул, что оспаривание подозрительных сделок – это не формальность, а реальный механизм восстановления имущественной массы должника, от которого напрямую зависит степень удовлетворения требований кредиторов.

Для защиты прав кредиторов данная правовая позиция имеет важное значение. Она существенно расширяет границы ответственности арбитражного управляющего, превращая оспаривание сделок из его права в обязанность. Это означает, что бездействие управляющего, выразившееся в неоспаривании сделок, которые могли бы пополнить конкурсную массу, может и должно квалифицироваться как нарушение законодательства о банкротстве и служить основанием для привлечения к административной ответственности по ч. 3 ст. 14.13 КоАП РФ. Тем самым кредиторы получают мощный инструмент воздействия на управляющего через жалобу в Росреестр, поскольку последний обязан будет провести проверку и при наличии оснований инициировать дело об административном правонарушении.

Проведенное нами исследование позволяет сделать ряд выводов о месте и значении административной ответственности арбитражных управляющих, предусмотренной ст. 14.13 КоАП РФ, в механизме защиты имущественных прав кредиторов в процедурах несостоятельности (банкротства).

Во-первых, административная ответственность арбитражных управляющих представляет собой не просто карательную меру, а многофункциональный публично-правовой инструмент. Его ценность для кредиторов заключается в оперативности (жалоба в Росреестр рассматривается в течение 30 дней), относительной простоте инициирования (не требует доказывания точного размера убытков) и возможности достижения сразу нескольких целей: стимулирования управляющего к надлежащему поведению, его отстранения от дел вплоть до дисквалификации, а также создания доказательствен-

ной базы для последующего гражданско-правового спора о взыскании убытков.

Во-вторых, эффективность данного средства напрямую зависит от правовой активности самих кредиторов. Как показывает анализ правоприменительной практики, далеко не все кредиторы используют предоставленное им право на обращение в Росреестр, что снижает превентивный потенциал административной ответственности. В связи с этим обоснованным представляется дальнейшее совершенствование информационного взаимодействия между арбитражными управляющими, кредиторами и контролирующими органами.

В-третьих, высшие судебные инстанции – Конституционный Суд РФ и Верховный Суд РФ – последовательно формируют правовые позиции, направленные на устранение неопределенности в применении ст. 14.13 КоАП РФ и расширение границ ответственности арбитражного управляющего. Постановление КС РФ от 7 октября 2024 г. № 44-П устранило коллизию в исчислении срока публикации отчета о результатах конкурсного производства, что гарантирует кредиторам своевременное получение информации. Определение Верховного Суда РФ от 16 ноября 2020 г. № 307-ЭС20-11632, в свою очередь, четко квалифицировало неоспаривание подозрительных сделок как нарушение, влекущее административную ответственность, превратив оспаривание из права в обязанность управляющего.

Вместе с тем, как показало исследование, сохраняются отдельные проблемные аспекты: формальный подход к малозначительным нарушениям, сложность координации административного производства и дела о банкротстве, а также недостаточная компенсаторная природа административного штрафа (он поступает в бюджет, а не кредиторам). Тем не менее именно административная ответственность остается наиболее доступным и оперативным средством воздействия на недобросовестного арбитражного управляющего, позволяя кредиторам защитить свои права без длительного и дорогостоящего судебного разбирательства о взыскании убытков.

Таким образом, административная ответственность арбитражных управляющих, предусмотренная ст. 14.13 КоАП РФ, является действенным публично-правовым средством защиты прав кредиторов в процедурах банкротства (несостоятельности). Механизм такой защиты реализуется через институт жалоб кредиторов в Росреестр, дисциплинирующее воздействие административных наказаний и возможность участия кредитора в судебном процессе.

Список литературы

1. О несостоятельности (банкротстве) : федер. закон от 26 окт. 2002 г. № 127-ФЗ (ред. от 23.03.2026) // КонсультантПлюс : справочная правовая система.
2. Кодекс Российской Федерации об административных правонарушениях от 30 дек. 2001 г. № 195-ФЗ (ред. от 23.03.2026) // КонсультантПлюс : справочная правовая система.
3. По делу о проверке конституционности положений части 3 статьи 14.13 Кодекса Российской Федерации об административных правонарушениях, пункта 6.1 статьи 28 и статьи 149 Федерального закона «О несостоятельности (банкротстве)» в связи с жалобой гражданина С. В. Рязанова : постановление Конституционного Суда РФ от 7 окт. 2024 г. № 44-П // КонсультантПлюс : справочная правовая система.
4. Определение Судебной коллегии по экономическим спорам Верховного Суда РФ от 16 нояб. 2020 г. № 307-ЭС20-11632 по делу № А05-11092/2019 // КонсультантПлюс : справочная правовая система.
5. Масленникова Л. В., Залесная Д. С. Правовой статус арбитражного управляющего // Закон и право. 2025. № 8. С.114–120.
6. Гумирова А. И. Применение административного законодательства в деятельности арбитражных управляющих // Аграрное и земельное право. 2020. № 9 (189). С. 121–122.
7. Мартынов А. В., Володина А. В. Административная ответственность в области деятельности арбитражных управляющих // Вестник ННГУ. 2024. № 1. С. 78–93.
8. Макшанов В. Л. Особенности привлечения к административной ответственности арбитражного управляющего // Международный журнал гуманитарных и естественных наук. 2021. № 12-4. С. 122–124.
9. Мунирова Р. Р. Проблема привлечения арбитражного управляющего к административной ответственности // Молодой ученый. 2021. № 2 (344). С. 100–103.
10. Трофимова И. А. Административная ответственность арбитражных управляющих // Административное право. 2015. № 4. С. 69–74.
11. Федорина К. А., Зайцева Т. А. Анализ института административной ответственности арбитражных управляющих в России // Вестник науки. 2024. Т. 1, № 4 (73). С. 241–246.

Брачный договор как инструмент правового регулирования имущественных отношений супругов

© Суханова М. С., 2026

М. С. Суханова

Магистрант 2-го курса, Юридический институт, Иркутский государственный университет, e-mail: M.Sukhanova2003@mail.ru

Научный руководитель:

О. М. Толстикова, доцент кафедры гражданского права, кандидат юридических наук, доцент, Юридический институт, Иркутский государственный университет, e-mail: olga__den@mail.ru

Аннотация. Исследуются особенности брачного договора как инструмента регулирования имущественных отношений супругов. Отмечается существенная степень законодательной неурегулированности некоторых аспектов, относящихся к договорному режиму имущества супругов. В частности, рассматривается проблема нормативного закрепления критериев такого оценочного понятия, как «крайне неблагоприятное положение» одного из супругов.

Ключевые слова: семейные правоотношения, имущественные правоотношения, брачный договор, правовая природа брачного договора.

В соответствии с положениями ст. 38 Конституции РФ [1] материнство и детство, семья находятся под защитой государства. В настоящее время, когда институт традиционных семейных отношений подвергается таким значительным угрозам, как тенденции популяризации нетрадиционных сексуальных отношений, чайдффри, свободных отношений между партнерами, повышенное внимание к защите семьи, а также к современному правовому регулированию отношений, возникающих между ее членами, представляется вполне оправданным и необходимым с точки зрения дальнейшего развития и в целом существования российского общества.

Семейные правоотношения являются для законодателя одним из самых сложных предметов правового регулирования, поскольку, с одной стороны, общество, государство и гражданский оборот заинтересованы в благополучии и стабильности института семьи, с другой стороны, законодатель четко регулирует лишь имущественные отношения членов семьи, оставляя неимущественные для регулирования самим супругам, исходя из их нравственных, моральных и (или) религиозных представлений. «Имущественные отношения между членами семьи могут оказывать существенное влияние не только на настоящее и будущее самой семьи, но и на мировой рынок в целом» [2, с. 38].

Регулятором таких отношений в семье издревле являются договоры. В большинстве современных цивилизованных стран брачный договор представляет собой самый распространенный и универсальный инструмент для регулирования сферы семейной жизни. В России же из-за особенностей менталитета сложилось достаточно настороженное к нему отношение, однако нельзя не отметить, что количество людей,

заключающих брачный договор, начало расти. Это обусловлено повышением юридической грамотности граждан, стремлением к цивилизованному решению имущественных вопросов при разводе, нестабильной экономической ситуацией и желанием защитить активы, особенно при повторных браках или наличии у одного из супругов бизнеса или недвижимости.

Так, по данным Федеральной нотариальной палаты, в 2023 г. нотариусы удостоверили 119 400 брачных договоров, по сравнению с 2022 г. показатель вырос на 11 % [3]. Наиболее заметный рост был зафиксирован в Крыму (на 88,6 %), а также в Смоленской (на 46 %) и Калининградской (на 36,3 %) областях. Всего в 2023 г. к нотариусам за решением имущественных и финансовых вопросов обратились более 173 тыс. семейных пар. В пятерку лидеров по этому показателю вошли Москва, Санкт-Петербург, Московская область, Краснодарский край и Татарстан.

Брачный договор помогает избежать имущественных споров между супругами и защищает интересы обоих партнеров. Он может описывать широкий круг вопросов: кому и на каких условиях принадлежит имущество, как будет делиться семейный бюджет, какой будет ответственность супругов по долгам. Поэтому гражданам пришли к абсолютно верному решению, что проще разделить имущество «на берегу», – имея брачный договор, в случае развода не придется делить совместно нажитое имущество через суд. Во-первых, это не всегда просто и очевидно, во-вторых, данный процесс не проходит без моральных последствий ни для одной из сторон, в-третьих, он может длиться годами и, в-четвертых, при разделе имущества по закону (т. е., как правило, поровну) очень велик риск одной из сторон «остаться в минусе».

Однако на сегодняшний день указанные положения характеризуются существенной степенью законодательной неурегулированности.

Во-первых, отсутствует четкий юридический критерий, разграничивающий пределы свободы договора и условия возникновения «крайне неблагоприятного положения» одного из супругов. Соответственно, для стабилизации гражданского оборота и укрепления института брачного договора необходимо нормативное закрепление критериев «крайне неблагоприятного положения» или переход к модели, где такое положение оценивается исключительно через призму нарушения императивных норм права, а не через субъективное восприятие имущественного неравенства.

Во-вторых, брачный договор часто используется как инструмент для вывода имущества из-под удара кредиторов. Супруги заключают договор задним числом или перед банкротством, чтобы переписать имущество на жену или мужа. Отсюда возникает проблема недобросовестности сторон и сложность оспаривания таких сделок кредиторами в арбитражных судах.

В-третьих, стоимость имущества со временем меняется, отсюда вытекает следующая проблема: супруг, который согласился на определенную компенсацию 10 лет назад, может обнаружить, что из-за инфляции или роста цен на недвижимость условия стали несправедливыми. Механизмы автоматической индексации в договорах прописываются редко.

В данной проблеме можно выделить следующие аспекты.

Во-первых, это нарушение эквивалентности имущественных предоставлений. При заключении договора стороны исходят из текущей покупательной способности валюты и рыночной конъюнктуры. Однако отсутствие в тексте соглашения механизмов автоматической индексации (привязки к инфляционным индексам, минимальному размеру оплаты труда или курсам твердых валют) приводит к постепенному обесцениванию установленной денежной компенсации. С точки зрения гражданского права это можно рассматривать как существенное изменение обстоятельств (ст. 451 Гражданского кодекса РФ), однако в семейном праве суды крайне редко применяют данный институт для изменения условий брачного договора [4, с. 180].

Во-вторых, диспропорция стоимости активов. В долгосрочной перспективе объекты недвижимости, переданные одному супругу, могут значительно вырасти в цене (например, за счет изменения статуса земель или инфраструктуры), в то время как денежная выплата или иные активы (автотранспорт, техника), закрепленные за вторым супругом, подвергаются физическому и

моральному износу. Это создает ситуацию фактического неравенства, которая на момент прекращения брака может быть квалифицирована судом как «крайне неблагоприятное положение» одного из супругов (п. 2 ст. 44 Семейного кодекса РФ).

В-третьих, это определение критерия «разумное предвидение» и правовая неопределенность. В науке ведется дискуссия о том, обязаны ли супруги как субъекты гражданского оборота проявлять должную осмотрительность и предвидеть экономические риски на десятилетия вперед. Отсутствие в законодательстве четких критериев того, какая степень обесценивания активов считается допустимой «свободой договора», а какая – нарушением основ справедливости, приводит к субъективизму судебного усмотрения при оспаривании договоров.

В-четвертых, сложность доказывания несоразмерности. Практическая реализация защиты прав супруга затруднена тем, что суды оценивают справедливость условий договора преимущественно на момент его заключения. Доказывание того, что инфляционные процессы или изменение цен на рынке недвижимости лишили условия договора их изначального компенсационного смысла, требует проведения сложных ретроспективных оценочных экспертиз, результаты которых не всегда принимаются судом как безусловное основание для изменения договора. Анализируя правоприменительную практику, мы видим, что она нуждается в выработке стандартов обязательной индексации денежных обязательств в долгосрочных брачных договорах, а также в уточнении критериев, позволяющих корректировать имущественные условия договора в связи с существенным изменением рыночной стоимости активов [5, с. 193].

В-четвертых, сложность раздела специфических активов. В данном случае речь идет о бизнесе, долях в ООО, акциях или интеллектуальной собственности. Супруги часто не прописывают детально порядок управления бизнесом или выплаты дивидендов. При разводе это приводит к корпоративным конфликтам, которые брачный договор должен был предотвратить, но не смог из-за поверхностных формулировок, отсюда проблема правовой неопределенности режима бизнес-активов и корпоративных прав в содержании брачного договора.

Сегодня это сложная проблема урегулирования режима бизнес-активов (долей в уставном капитале ООО, акций, паев, а также исключительных прав на результаты интеллектуальной деятельности), и основная коллизия заключается в двойственной природе данных объектов: они одновременно являются совместно нажитым имуществом (с точки зрения семейного права) и инструментом реализации корпоративного кон-

троля (с точки зрения гражданского и корпоративного права).

Зачастую стороны ограничиваются установлением режима раздельной собственности на доли или акции, не конкретизируя порядок реализации корпоративных прав (право голоса, право на участие в управлении). Отсутствие в брачном договоре условий о «расщеплении» этих прав приводит к тому, что при расторжении брака формальный собственник доли сталкивается с требованиями второго супруга о выплате действительной стоимости доли или попытками вмешательства в операционное управление обществом, что провоцирует затяжной корпоративный конфликт.

Неопределенность правового статуса доходов (дивидендов) вызывает научную дискуссию. Прежде всего дискуссионным является вопрос квалификации дивидендов от бизнеса, находящегося в раздельной собственности. Если в договоре не прописан режим «плодов и доходов» от использования бизнес-актива, возникают споры о признании этих средств общей совместной собственностью (согласно ст. 34 Семейного кодекса РФ). Это нивелирует саму цель брачного договора – обеспечить финансовую автономию предпринимателя.

При установлении в договоре обязательства одного супруга в случае отчуждения бизнес-актива выплатить другому компенсацию стороны часто игнорируют динамическую природу стоимости бизнеса. Отсутствие четко прописанной методики оценки (на дату заключения договора, на дату развода или по рыночной стоимости на момент выплаты) делает такие условия договора трудноисполнимыми или несправедливыми, что создает почву для оспаривания сделки по мотивам «крайне неблагоприятного положения».

Зачастую неурегулированность данных отношений приводит к нарушению прав третьих лиц (соучредителей). Брачно-семейное регулирование часто вступает в противоречие с положениями устава общества. Например, договор может предусматривать переход доли к супругу-неучастнику, в то время как корпоративные документы требуют согласия остальных партнеров. Отсутствие в практике требования об обязательном согласовании условий брачного договора с корпоративными документами создает риск признания соответствующих пунктов договора ничтожными.

Поэтому сегодня необходимо для минимизации рисков переходить от формального закрепления титульного собственника к детальному описанию правового режима доходов от бизнеса и механизмов отчуждения долей, интегрируя нормы семейного законодательства с положениями корпоративного права.

Подводя итог, важно подчеркнуть, что значение брачного договора в российском праве заключается, прежде всего, в расширении возможностей супругов обезопасить себя, сохранив за собой имущество, и урегулировать имущественные отношения в браке и (или) в случае его расторжения. Однако несмотря на всю «гибкость и альтернативность» такого инструмента правового регулирования имущественных отношений между супругами, как брачный договор, риск его оспаривания в суде ввиду нахождения одной из сторон в крайне невыгодном положении или в силу нечетких формулировок, которые могут привести к судебным спорам в будущем, остается довольно высоким, а невозможность предугадать все жизненные ситуации (банкротство, болезнь) делает внесение каких-либо изменений в брачный договор затруднительным.

Список литературы

1. Конституция Российской Федерации (принята всенарод. голосованием 12 дек. 1993 г., с изм., одобр. в ходе общерос. голосования 1 июля 2020 г.) (с учетом поправок, внесен. Законом РФ о поправке к Конституции от 14 марта 2020 г. № 1-ФКЗ) // Российская газета. 2020. № 144.
2. Ралько В. В. Нотариальное удостоверение семейных соглашений на примере брачного договора // Судья. 2017. № 6. С. 38–42.
3. В радиозэфире обсудили роль брачного договора в укреплении супружеских отношений // Федеральная нотариальная палата: офиц. сайт. URL: <https://notariat.ru/ru-ru/news/v-radioefire-obsudili-rol-brachnogo-dogovora-v-ukreplenii-supruzheskih-otnoshenij-2405/> (дата обращения: 10.04.2026).
4. Корнеева И. Л. Семейное право : учебник. 4-е изд., перераб. и доп. М. : Юрайт, 2025. 285 с.
5. Тенденции распространения ценностей чайлдфри и их влияние на кризис института семьи / С. М. Вильданова, А. А. Граничная, А. Р. Мингалиева, Л. М. Салыхиева // Мониторинг общественного мнения: экономические и социальные перемены. 2017. № 3. С. 192–205.